

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
ИНСТИТУТ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ
ФИНЛЯНДИИ

НОВЫЕ церкви,
старые верующие-
старые церкви,
новые верующие

Религия
в постсоветской
России

Под редакцией проф. Киммо Каарияйнена
и проф. Дмитрия Фурмана

Москва—Санкт-Петербург
2007

Глава 1
Дмитрий Фурман, Киммо Каарияйнен
Религиозность в России
в 90-е гг. XX — начале XXI в.¹

С марта 1991 г. Институт Евангелической Лютеранской церкви Финляндии, Академия наук Финляндии и Академия наук РФ проводят совместное исследование изменений в религиозном сознании России. Было проведено 6 опросов — в 1991, 1993, 1996, 1999, 2002 и 2005 гг., представлявших собой модификации опросов по «Всемирной программе изучения ценностей (World Values Surveys)». Они проводились методом личного интервью по общероссийской выборке и охватывали от 1600 до 2000 человек. Вопросы менялись — мы вводили новые и изымали из списка другие, но основная группа вопросов сохранялась неизменной, и, таким образом, можно проследить все изменения в отношении к ним российского общества за 14 лет².

В результате собран колоссальный материал по эволюции массового сознания России в постсоветскую эпоху, охватывающий не только отношение к религии, но и отношение к самым разным социально-политическим и моральным проблемам. Результаты исследований были обобщены в ряде статей и монографии «Старые церкви, новые верующие», вышедшей в 2000 г.³

С 2000 г. прошло относительно много времени, и Россия в целом и отношение российского массового сознания к религии в частности изменились. Были проведены новые опросы и собран новый материал. Изменились и взгляды авторов на многие проблемы, они стали яснее видеть ряд своих ошибок и огрехов. В данной статье мы делаем новое

¹ Предыдущая версия данной главы под этим же названием была опубликована в виде научного доклада (№ 173) Института Европы Российской Академии наук. В силу допущенных ошибок, в том докладе не было указано ни соавторство В. Карпова, ни его руководство исследованием 2005 г. Мы рады исправить эти неприятные ошибки в данной главе и книге (см. Введение).

² Кроме того, был проведен ряд специальных опросов — в мусульманских республиках в составе РФ и среди российской элиты, результаты которых в данной работе не рассматриваются.

³ Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России. Под редакцией К. Каарияйнена и Д.Е. Фурмана. М.: «Летний сад», 2000. См. также: Kimmo Kaariainen. Religion in Russia after the Collapse of Communism. The Edwin Mellen Press. USA. 1998. Каарияйнен К., Фурман Д. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6; Фурман Д., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация в России // Свободная мысль — XXI. 2003. № 7; Фурман Д., Каарияйнен К. «Я доверяю президенту» // Свободная мысль — XXI. 2003. № 5.

1. «Маятник» отношения к религии российского общества

Религия — один из элементов общественной системы, и как изменения в религии отражаются на всех других элементах этой системы, так и изменения в других элементах системы отражаются на религии.

Эволюцию отношения к религии, к православной вере, в России в течение Нового времени можно представить в виде своего рода движения маятника или в виде той синусоидальной кривой, которую составляет движение маятника на движущейся ленте. Начальная точка этого движения — это тотальная средневековая православная религиозность¹, которая в Новое время постепенно «размывается» процессами модернизации общества.

Модернизация общества — развитие современной науки и техники, рыночных отношений, демократизация социальных отношений — естественно, везде и всегда влечет за собой изменения в религиозной сфере. Средневековая жестко догматическая и жестко принудительная, связанная с архаическими магическими представлениями религиозность уступает место новым формам духовной жизни. Но особенности общества определяют то, как совершаются эти процессы.

В России воздействие модернизационных процессов на религиозную сферу принимает формы, в значительной мере отличные от тех, которые оно приняло в большинстве европейских стран. Крайний традиционализм православной церкви, ее полная, особенно с петровских времен, зависимость от самодержавного государства, жесткость и формализм идеологического контроля со стороны церкви и самодержавия подталкивали русское общество не к поискам новых форм религиозной жизни, а к идеологиям, прямо противоположным официальной идеологии «православия, самодержавия и народности», атеистическим.

Церковь и власти отслеживали и пресекали в корне любую религиозную «ересь». До самого конца самодержавия в России переход из православия в другие конфессии был уголовно наказуемым преступлением, во всех школах преподавались основы православного вероучения, издание книг, критикующих церковь и полемизирующих с официальным православием, было невозможно. И именно этими заслонами на пути свободной религиозной мысли церковь и самодержавие направляли общественную мысль в нерелигиозном и антирелигиозном направлении.

¹ Разумеется, картина религиозного сознания Средневековья очень сложна и не сводится к тотальному господству православия. В сознании народа были и элементы дохристианских верований, не интегрированные в православную систему и осуждаемые церковью, и иногда — какие-то элементы сектантского «свободо-мыслия». Тем не менее очевидно, что 100 % русских людей на протяжении Средневековья на вопросы: «Православный ли ты?» и «Веришь ли ты в Бога?» отвечали бы: «Да» без каких-либо запинок и колебаний.

Пресекая религиозные «ереси», власти ничего не могли поделать с полной утратой религиозной веры, когда соблюдение обязательной обрядности превращается в ничего не значащую для человека формальность. Ничего они не могли поделать и с распространением книг, не полемизирующих с православием, но выдвигающих не христианские и альтернативные христианству мировоззрения. Достаточно сказать, что перевод Библии на русский язык, распространения которого церковь боялась, как потенциального источника ересей, был издан позже, чем произведения французских просветителей, деистов и атеистов, а К. Маркс был вполне легально опубликован, в то время как неортодоксальные работы русских религиозных мыслителей печатались за границей. В царской России полное отрицание официальной религии было и проще, естественнее и даже безопаснее, чем заинтересованные попытки реформировать и «оживить» ее.

Уже в XVIII в. в России распространяются разные формы масонского и вольтеррианского свободомыслия. В XIX в. появляются первые убежденные атеисты — Писарев, Чернышевский, Добролюбов, Бакунин и др. В кругах интеллигенции начинают доминировать разного рода материалистические и позитивистские философии, не столько борющиеся с официальным православием, сколько просто его игнорирующие. А в конце века в России распространяются мощные целостные антирелигиозные и одновременно — квазирелигиозные философские системы, дающие свои ответы на «вечные вопросы» и выдвигающие свои планы достижения идеального общества, прежде всего разные варианты марксизма.

До поры до времени, однако, церковь и самодержавие могли утешать себя тем, что «нигилизм» и безбожие — явление специфически интеллигентское, а простой народ все равно глубоко православен и предан царю. «Момент истины» наступает с революциями 1905 и 1917 гг., показавшими, до какой степени российский самодержавно-православный «монолит» был подточен изнутри. Крайняя жесткость самодержавно-православной системы породила крайний радикализм русской революции, приведшей не к либерализации и демократизации общества, а к установлению тоталитарного режима на основе атеистической, квазинаучной и квазирелигиозной марксистско-ленинской идеологии.

Победившая партия большевиков приступила к установлению тотального контроля над духовной жизнью общества и преобразованию его в соответствии со своими идеалами. Борьба с религией занимала в большевистской стратегии далеко не первостепенное место — большевики были убеждены, что религия — «надстройка», обреченная сама собой исчезнуть с революционным изменением «базиса» общества. Тем не менее в ходе революции и гражданской войны, когда церковь, естес-

твенно, поддерживала белое движение и активно участвовала в нем, и затем в ходе коллективизации, «революции в деревне», тысячи церквей были разрушены (с тех пор и до 90-х гг. разрушенная церковь становится органической принадлежностью российского деревенского пейзажа), и тысячи священников убиты. Была развернута массовая атеистическая пропаганда, призванная освободить сознание людей от «религиозного дурмана». В 30-е гг. могло казаться, что дело идет к тому, что скоро в СССР вообще не останется ни церковной организации, ни верующих.

Но постепенно «мессианский» дух новой марксистской религии и ее преследование старой стали ослабевать. Преследуя любые неподконтрольные, спонтанные, новые религиозные движения, советская власть стала проявлять все больше терпимости к православию и другим «традиционным конфессиям», поскольку они не пытаются выйти за пределы «религиозного гетто», круга традиционных верующих, и не допускают какой-либо самостоятельной активности. Власть стремится через религиозные организации установить идеологический контроль над теми слоями, которые недоступны коммунистической идеологии.

В борьбе с фашистской Германией Сталин уже опирался не столько на идеи марксизма-ленинизма, сколько на традиционные русские ценности, на русскую историческую память и национальное самосознание и даже, как на одно из их составляющих, на православие. Хрущев, провозгласивший возвращение к досталинским, ленинским ценностям, возобновляет и атеистическое наступление на религию. Но вместе с тем эпоха Хрущева — начало либерализации советского режима, и кровавых репрессий при нем нет. Основные принципы религиозной политики, установившиеся в позднесталинское время, сохранились.

Вместе с ослаблением атеистического гонения появляются и первые признаки того, что «маятник» общественного сознания начал движение в обратном направлении — снова к религии. Церковь не имела возможности выйти за пределы своего «гетто» в «большой мир» советского общества, вести активную религиозную пропаганду. Но в самом этом «большом мире» возникает тяга к религии и церкви.

Логика обращений к православию при советской власти близка к логике обращений к атеистическим формам идеологии при царизме. Догматические идейные системы всегда проявляют большую нетерпимость к «середям», к идеологиям, близким к ним, чем к идеологиям предельно далеким. В средние века на Руси отношение власти и церкви к «двоеверию», к пережиткам язычества, было значительно более мягким, чем отношение к еретикам. И когда в обществе начался процесс отхода от ригидной официальной идеологии, переход в неправославные христианские конфессии, критика православия и любые проявления самостоятельной религиозной мысли были труднее и

опаснее для человека, чем просто утрата религиозной веры и переход в атеистические идеологии. Утрату веры никакой формальный контроль не мог заметить, а принятие атеистических идеологий, в отличие от перехода в неправославные конфессии, вполне могло сочетаться с формальным соблюдением положенной религиозной обрядности.

И такая же логика действовала в советскую эпоху. Даже в самые страшные годы сталинских репрессий не вызывавшие политических опасений люди могли относительно спокойно жить, оставаясь открыто верующими людьми¹, хотя нельзя представить себе, даже в сравнительно либеральные послесталинские времена, остающегося на свободе человека, который заявил бы о себе как о троцкисте или меньшевике. И как при царизме стать атеистом было проще и безопаснее, чем стать не православным христианином, так при советской «марксистской» власти стать и быть верующим было проще и безопаснее, чем стать и быть неортодоксальным марксистом. При утрате веры в догматическую марксистско-ленинскую идеологию жесткость и формализм советского идеологического контроля подталкивают людей к идеологиям, не относительно близким к ней по своим мировоззренческим основам, а именно к диаметрально противоположным.

Как и при первом ходе «маятника», первые признаки его обратного движения — это обращения в «противоположную официальной» веру отдельных представителей новой советской «диссидентской» интеллигенции — А. Синявского, А. Солженицына и других «функциональных эквивалентов» Чернышевского и Добролюбова при первом движении². В интеллигентских кругах в 70–80-е гг. прошлого века интерес и уважение к религии (или даже просто религиозность) и чтение религиозных философов стали так же распространены, как в 60-е гг. позапрошлого века были распространены естественнонаучные опыты и материалистические философы. В 70-х гг. у интеллигентных девушек в моде стало ношение крестиков, с чем комсомол боролся, но очень «вяло». Конечно, нескрываемая религиозность исключала карьеру, но в конце советской эпохи ряд видных представителей интеллигенции, уже занимавших высокие статусные позиции, стали со-

¹ Российский соавтор данного текста помнит, как в детстве его верующие (или скорее верующие, чем неверующие) бабушки говорили ему о разных уважаемых представителях старой интеллигенции, занимавших видное положение при советской власти и остававшихся открыто верующими людьми. Особо большую роль в этих рассказах играл великий русский физиолог академик Павлов, пример которого должен был показать, что религию можно совмещать с передовой наукой.

² Роль «связующего звена» между дореволюционной религиозностью, которую сохраняли многие представители старой дореволюционной интеллигенции, и новой религиозностью уже советской интеллигенции играл Б. Пастернак, чьи религиозные стихи не публиковались, но очень широко распространялись в машинописных списках и были широко известны.

вершенно открыто заявлять о своей вере (В. Солоухин, С. Аверинцев и др.), не опасаясь никаких репрессий со стороны власти.

Под внешне недвижимым покровом официальной коммунистической идеологии, утратившей какую-либо способность к развитию, адаптации к меняющимся условиям, превратившейся в набор формул, смысл которых уже утрачен, шло движение, которое в конечном счете привело к падению советской системы, практически полному исчезновению марксистско-ленинской идеологии и торжеству еще лет двадцать до этого казавшейся совершенно бессильной и умирающей православной церкви.

2. Массовое сознание советской эпохи и воспоминания респондентов

Проследить эти процессы распада в массовом сознании позднесоветской эпохи коммунистической «веры» и постепенного изменения его отношения к религии — очень трудно и даже практически невозможно.

Советское общество, как и царское общество, было устроено так, что оно не могло иметь правдивой информации о самом себе. Сама идея опроса, проводимого в советское время, о том, как люди относятся к КПСС, советскому строю, Ленину и т. д., так же смешна, как смешна идея опроса о том, как люди относятся к царю и православной церкви, в царское время. Выяснение того, что люди реально думают об основных идеологических вопросах, подрывало бы основы общественного строя, догму «морально-политического единства» советского общества, как при царизме это подрывало бы догму «самодержавия, православия и народности».

Правда, в конце советской эпохи социологические опросы по отнoсительно неважным с точки зрения официальной идеологии вопросам проводились. В том числе — и с целью выявить удельный вес верующих в населении.

Эти опросы позднесоветского времени показывают почти полное исчезновение православной веры. Например, в Воронежской области с 1979 по 1981 гг. было проведено обширное исследование, которое охватывало более 20 000 информантов, и на которое часто ссылались советские исследователи в области «научного атеизма». Выявленный им процент лиц, верующих в Бога, в разных возрастных группах был следующим: 18—25 лет — 1,7 %, 26—30 лет — 1,4 %, 31—34 года — 2,7 %, 41—50 лет — 4,8 %, 51—60 лет — 10 %, 61—70 лет — 22,1 %, 71—80 лет — 35,3 %, старше 80 лет — 40,2 %¹. Картина, полностью соответ-

¹ См.: Демьянов А. И. Религиозность: тенденции и особенности. Воронеж, 1984. С. 88.

ствующая представлению о религии как «пережитке прошлого», обреченном уйти вместе с принадлежащим этому прошлому поколением.

Однако наши опросы, поскольку они позволяют в какой-то мере заглянуть в массовое сознание недавнего российского прошлого, дают совершенно иную картину.

С 1996 г. мы стали задавать вопрос, как оценивают респонденты своих мать, отца, бабушку и дедушку — как верующих, колеблющихся, неверующих и атеистов. Табл. 1 показывает удельный вес оценивающих своих родителей и бабушку с дедушкой как верующих и атеистов.

Табл. 1. Оценка опрошенными отношения к вере их родителей, 1996—2005 гг.

		1996	1999	2002	2005
Мать	Атеистка	4	3	3	4
	Верующая	48	51	53	60
Отец	Атеист	9	10	7	8
	Верующий	23	24	29	32
Дедушка	Атеист	3	3	3	4
	Верующий	43	39	44	50
Бабушка	Атеистка	1	1	2	3
	Верующая	67	63	64	71

Процент атеистов в поколениях, предшествующих поколению респондентов, как мы видим, — совершенно ничтожен, а процент верующих — очень велик и немного меньше, чем в поколении самих респондентов (в 2005 г. среди всех респондентов было 53 % верующих, в том числе 64 % женщин и 41 % мужчин).

И это — не результат того, что респонденты говорят о теперешних взглядах своих родителей, не результат обращения этих родителей к религии в горбачевские и постсоветские годы. В этом мы можем убедиться, если посмотрим, как зависит определение мировоззрения родителей и бабушки с дедушкой от возраста респондентов. См. табл. 2.

Табл. 2. Зависимость ответов об отношении к вере родителей от возраста респондентов, 2005 г.

		Все опро- шенные	18—23 года	24—29 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше
Мать	Атеистка	4	3	1	7	1	5	4
	Верующая	60	58	48	57	60	60	70
Отец	Атеист	8	6	4	11	7	10	6
	Верующий	32	28	21	26	29	28	47
Дедушка	Атеист	4	3	4	6	4	2	2
	Верующий	50	45	43	42	47	48	65
Бабушка	Атеистка	3	1	1	2	2	1	2
	Верующая	71	75	70	67	70	66	76

Табл. 3. Удельный вес получивших религиозное воспитание и крещеных, 2005 г.

		18–23 года	24–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Все опро- шенные
Воспитывались ли Вы в религиозном духе или нет?	Да	26	14	19	20	22	42	25
	Нет	61	73	73	64	64	45	62
Крещены ли Вы	Да	77	77	76	82	83	86	81
	Нет	19	21	20	16	12	12	16

Дедушка и бабушка людей, которым в 2005 г. было от 40 и старше, то есть родившихся в 1965 г. и раньше, безусловно, уже давно умерли, и, говоря о них, респонденты могут говорить лишь о советском времени.

Мы видим картину, совершенно не похожую на картину советских опросов. Получается, что в эпоху Октябрьской революции (это — эпоха, когда были активны дедушки и бабушки респондентов, которым в 2005 г. было 60 лет и больше) неверующих вообще, практически, не было, и все советские годы атеисты были незначительным меньшинством. Но эта картина не только противоречит картине, создававшейся советской пропагандой, она противоречит и здравому смыслу.

Такую же картину, противоречащую здравому смыслу и всему комплексу ответов на другие мировоззренческие вопросы, создают в наших опросах и ответы респондентов на вопрос: «Воспитывались ли Вы дома в религиозном духе?». В 1991 г. утвердительно ответили на этот вопрос 18 % опрошенных, в 1999 г. — 17 %, 2002 г. — 17 %, а в 2005 г. — даже 25 %, причем лиц старше 60 лет — 42 % (см. табл. 3). Но люди, которым в 2005 г. было 60 лет и больше, — это люди, родившиеся в 1945 г. и раньше, в эпоху войны и первых пятилеток. Получается, что чуть ли не половина из них «воспитывались дома в религиозном духе», в то время получивших религиозное воспитание среди их родившихся в эпоху перестройки, — ровно в два раза меньше!

Как объяснить эти вопиющие противоречия между данными советских опросов и воспоминаниями наших респондентов и очевидную неправдоподобность их ответов на наши вопросы?

Мы не думаем, что дело в сознательном искажении фактов. «Научные» атеисты, проводившие опросы в советское время, скорее всего, не лгали, хотя и могли в какой-то мере подгонять процедуры и результаты исследования под идеологически приемлемые ответы, которые не испугают начальство¹. Но и наши теперешние респонденты тоже не лгут.

¹ Так, в советских опросах фигурируют только верующие. Если бы в них была включена категория «колеблющихся», так определяющих себя людей могло бы оказаться больше, чем это было идеологически приемлемо.

Дело в самой природе массового сознания и особенно массового сознания в тоталитарном обществе. Сознание людей — противоречиво и многослойно, и данные опросов не могут отразить всей его сложности. Вопрос и ответ неразрывно связаны друг с другом. Вопрос порождает ответ, заставляет отвечающего как-то задуматься о своей позиции, сформулировать ее, его ответ кристаллизует и закрепляет его смутные мысли и чувства и одновременно всегда огрубляет, упрощает реальную сложность сознания. Но сознание людей тоталитарного общества, в котором вопросы невозможны, или предполагают стереотипные, единственно «правильные» ответы, — еще более противоречиво и «многослойно», чем сознание людей, живущих в открытом обществе.

Люди в советское время вполне могли одновременно верить в самые противоположные вещи, верить и не верить в то же самое время, в определенных ситуациях скорее верить в одно, а в других — в другое. Убежденная комсомолка, не только говорящая, но и думающая «как положено», могла тем не менее тайком зайти в церковь и поставить свечку перед экзаменом в вузе (и даже перед экзаменом по «научному атеизму», обязательному со времен хрущевской антирелигиозной кампании предмету). Вполне искренний коммунист мог сказать своей матери, чтобы она «на всякий случай», «для здоровья», окрестила своего внука в церкви, но так, чтобы он, отец, потом мог сказать, что он об этом не знал. Во время войны под пулями и снарядами коммунисты совершали крестное знамение и шептали молитвы¹. Это несколько похоже на «двоеверие» периода Средневековья, когда люди, считавшиеся и искренне сами считавшие себя православными, могли одновременно выполнять древние языческие обряды. Поэтому на вопросы, сколько людей в СССР верили в такое-то время в истинность марксизма-ленинизма, или сколько оставалось православных верующих, получить ответ нельзя не только из-за отсутствия материала. Его нельзя получить и потому, что люди, которые не могли даже представить себе такие вопросы, не могли иметь и ясных (личных, а не обязательных, «единственно возможных») ответов на них. Сами такие вопросы по отношению к людям, живущим при тоталитарной системе, — «не корректны»².

Когда только крохотное меньшинство опрошенных в конце 70-х —

¹ Само обращение Сталина к церкви во время войны могло иметь не только демагогический характер и служить прагматической цели превращения войны в национальную и противодействия нацистской пропаганде, но и личный характер, что, естественно, отнюдь не значит, что Сталин не был марксистом и коммунистом.

² Российский соавтор, вспоминая своих бабушек и дедушек и отца с матерью, не может ответить на вопрос, были ли они православными верующими и верили ли в коммунизм. Бабушки в Бога скорее верили, во всяком случае, на праздники были в церкви. Но сказать, что они «не верили» в коммунизм и КПСС, тоже нельзя. Родители скорее в Бога не верили и несколько больше верили в коммунизм. Но никаких ясных и однозначных ответов на эти вопросы быть не может.

начале 80-х гг. называли себя верующими, это не значит, что остальные лгали. Они лишь несколько «упростили» и «приукрашивали» картину своего сознания в соответствии с советскими нормами, также полагая, что, например, поставить свечку в церкви за чье-то здоровье или за упокой души не делает их верующими, как в средние века человек, задабривающий домового, не считал, что из-за этого он — не православный.

Но к 2005 г. по сравнению с 70-ми гг. социально одобряемое и не одобряемое поменялись местами. И теперь в соответствии с новыми представлениями о «должном», «нормальном» и «приличном» люди начинают представлять и изображать своих родителей более религиозными, чем они были на самом деле. Назвать отца или деда атеистом теперь даже как-то и неудобно. И какие-то мельчайшие и поверхностные проявления религиозности родителей и бабушки с дедушкой, которые в советские годы рассматривались бы как извинительные для старых людей суеверия и «пережитки», в теперешнем сознании их детей преобразуются в «веру» и даже в их «религиозное воспитание». Люди не обманывают, но они «мифологизируют» прошлое, конструируют в своем сознании то прошлое, которое заслуживает одобрения в соответствии с теперешними нормами и представлениями, и искренне сами в него верят¹.

Принимать на веру и «буквально» теперешние оценки респондентами мировоззрения своих родителей также нельзя, как нельзя и принимать на веру результаты советских исследований. Однако если полностью доверять ответам наших респондентов и невозможно, все же очевидно, что атеистический марксизм-ленинизм не смог стать в советское время такой же «общенародной» верой, какой в средние века было православие. Не говоря уже о «религиозных пережитках» в сознании большинства (сравнимых с пережитками язычества в сознании средневековых православных), в обществе всегда оставалось и религиозное меньшинство. При первом своем ходе наш «маятник» не достиг той высоты, с которой он начал свое движение, и свой второй ход он начал со значительно более низкой отметки.

Начальные стадии этого движения в наших опросах, начавшихся в 1991 г., проследить невозможно. Наш первый опрос фиксирует уже далеко зашедший процесс.

¹ Создается ощущение, что и данные об удельном весе крещеных, приведенные в табл. 2, также могут быть преувеличены.

Трудно поверить, что среди людей 40—49 лет, то есть родившихся в 1956—1965 гг., эпоху хрущевского гонения на религию и закрытия церквей, крещеных больше, чем среди молодежи, родившейся в либеральную по отношению к религии позднесоветскую эпоху или даже в годы горбачевской «перестройки». Вполне возможно, что здесь также играет роль «мифологизация» прошлого. Выступая по телевидению, один российский генерал сказал про себя, что он не так, как другие, которые говорят, что их крестила бабушка в детстве, — он честно пошел и крестился.

3. Массовое сознание в последний год советской власти

Непосредственной, ближайшей причиной распада советской социально-политической системы была неудача «перестройки», попытки ее реформирования, оживления, «лечения», предпринятой М. Горбачевым. Но и сама эта попытка, и ее неудача в громадной мере были обусловлены предельной «изношенностью» советского организма. Все события эпохи перестройки и постперестроечной истории России демонстрируют, что официальная идеология к концу советского времени уже не обладала никакой реальной силой. Искренних приверженцев ее почти не было (в том числе, как это показала последующая история, их практически не было и на вершине партийной иерархии).

Опрос, проведенный нами в марте 1991 г., в который был включен вопрос о членстве в КПСС (коммунистов было 14 % опрошенных), показывает, что принадлежность к коммунистической партии практически перестала быть фактором, влияющим на мировоззрение. Сама мощь КПСС, принадлежность к которой в СССР была необходимым условием практически любой карьеры и для приема в которую представителей интеллигенции в райкомах создавались длинные очереди (рабочих для поддержания «классового состава» принимали проще), обернулась ее полным бессилием.

В нашем опросе заявили, что не могут назвать партию, адекватно отражающую их взгляды, 49 % коммунистов, а КПСС назвали только 24 % (!). Различия во мнениях по основным вопросам этого времени среди коммунистов — почти такое же, как и среди всех опрошенных. «Полностью доверяли» советской политической системе 10 % всех опрошенных и 12 % членов КПСС, правительству СССР — 9 % и 14 %, правительству РСФСР — 16 % и 14 %, полностью были согласны с тем, что экономическая система нуждается в изменениях — 75 % и 76 %, сторонниками революционных перемен объявили себя 12 % коммунистов и 15 % всех опрошенных, верили в Бога — 16 % коммунистов и 34 % опрошенных.

Отличия в ответах коммунистов и беспартийных — есть (коммунисты — несколько «консервативнее»), но они невелики и скорее обусловлены своеобразием социального состава группы членов КПСС, среди которых, естественно, было больше, чем среди всех респондентов, лиц с высоким социальным положением¹, которых не-

¹ В нашем опросе 29 % коммунистов были руководителями и «руководителями среднего звена», в то время как среди всех опрошенных таких было 21 %, «белых воротничков» — 17 %, среди опрошенных — 12 %, научных и творческих работников — 9 % и 5 %. «Синих воротничков», напротив, среди коммунистов было только 35 %, а среди всех опрошенных — 46 %. С высшим образованием были 54 % членов КПСС и 21 % респондентов.

сколько страшила перспектива потерять это положение при революции, а не собственно коммунистическими убеждениями. Скреплявшая общество организация, его «руководящая и направляющая сила» фактически уже распалась.

Практическое исчезновение официальной идеологии не означало, однако, что ее место заняла какая-то другая. Исчезновение внешнего идеологического контроля «вывело на поверхность» запрятанные под покровом коммунистической идеологии и советской системы аморфность и противоречивость массового сознания людей позднесоветской эпохи и атомизированность общества, в котором за годы советской власти не могли сложиться какие либо ясные идеологии, программы действий и организации¹.

Наш опрос 1991 г. дает картину «взбудораженного», политизированного общества. 36 % опрошенных заявили, что политика для них «важна» и «очень важна», что больше, чем во всех последующих опросах. 53 % интересуются и «очень интересуются» политикой. 82 % обсуждают политические вопросы с друзьями. 22 % часто и еще 33 % время от времени пытаются убедить других в правильности своих взглядов. Но это — взбудораженное общество с очень неопределенными идейными установками, с очень неясными представлениями о том, чего оно хочет.

77 % не могут назвать партию, которая наиболее адекватно представляет их взгляды (13 % называет КПСС). Только ничтожное меньшинство может определить свои взгляды как «левые» или «правые», «консервативные» или «либеральные»².

Недовольство экономической системой — всеобщее. 48 % считают основной причиной бедности социальную несправедливость (33 % — лень, 9 % — неудачу). С тем, что экономическая система нуж-

¹ В какой-то мере хаотичность, неструктурированность общественного сознания была характерна для всех стран, в которых ослабление и затем полное снятие контроля со стороны Москвы привели к антикоммунистическим революциям. Но в странах Центральной Европы и Балтии совпадение векторов антикоммунизма и стремления к национальному освобождению и идея «возвращения в Европу», ведшая к принятию курса на интеграцию в ЕС и НАТО, создавали некоторый консенсус вокруг основных целей общества. В России эти факторы не действовали, и хаотичность, противоречивость, неопределенность массового сознания была, несомненно, значительно больше.

² По десятибалльной шкале как безоговорочно левые определяли себя 3 %, а безоговорочно правые — 1 %. Назвали свои взгляды «очень консервативными» 1 %, «очень либеральными» 5 %. В последующие годы людей, способных определить свои взгляды как «левые» или «правые», «либеральные» и «консервативные», больше не стало. В 2005 г. безоговорочно левых было 3 %, безоговорочно «правых» — 2 %, безоговорочно «консерваторов» в 2002 г. было 4 %, «либералов» — 3 %. Это, несомненно, связано со специфической ситуацией, когда формально крайне левая идеология правит более 70 лет и превращается в оплот и символ всего того, что ассоциируется с «правым» — традиции, прошлого, социальной иерархии.

дается в переменах, согласны 75 %, скорее согласны — 19 %, скорее не согласны — 1 % и не согласны — 0 %. Но хотя есть всеобщее согласие с тем, что перемены нужны, нет никаких ясных представлений о направлении этих перемен. Четко предпочитают (крайняя позиция по 10-балльной шкале) государственную собственность на предприятия — только 14 %, частную — 11 %, за то, чтобы предоставить больше простора индивидуальной инициативе — 22 %, за то, чтобы сделать доходы более равными — 4 %¹.

Доверие к государству подорвано. 33 % — «не горды» тем, что они — граждане СССР. Полностью доверяют советской политической системе 10 %, доверяют — 30 %, не доверяют 31 % и совсем не доверяют 18 %. Верховному Совету СССР доверяют и полностью доверяют 23 %, а не доверяют и полностью не доверяют — 50 %, правительству СССР — 42 % и 50 % (см. табл. 7). Несколько больше доверие к российским «революционным» властям. Верховному Совету РСФСР доверяют и полностью доверяют 62 %, а не доверяют и полностью не доверяют — 31 %, правительству РСФСР — 63 % и 29 %.

Существуют некоторые общие представления о том, что правительство должно быть «более открытым для народа» (с этим согласны и полностью согласны 90 %), что «у нас будет больше шансов иметь здоровую экономику, если правительство предоставит людям больше свободы делать то, что они хотят» (согласных — 58 %). Только 24 % согласились и 36 % не согласились с тем, что «политические реформы идут слишком быстро». Но при этом идеи демократии даже в этот период «демократической эйфории» не занимают в массовом сознании большого места, и куда должны быть направлены эти идущие слишком медленно реформы, так же не ясно, как не ясно, куда должно быть направлено преобразование экономической системы. При выборе из четырех важнейших целей общества «создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства и т.д.» как первую цель выбрали только 15 %, вторую — 34 %, в то время как экономический рост выбрали как первую цель 69 %, вторую — 16 %. При выборе из другого такого набора целей «сохранение порядка в стране» выбрали как первую цель 57 %, вторую — 22 %, а «предоставление народу возможности больше влиять на решения правительства» — только 24 % и 23 %. При выборе между равенством и свободой свободу выбирает 40 %, равенство — 42 % (см. табл. 15).

Со смутными надеждами соседствуют смутные опасения и чувство собственного бессилия. Несмотря на желание скорейших пере-

¹ В 1993 г. мы предлагали респондентам выбрать, кем должны управляться предприятия. 15 % выбрали ответ «собственниками», 12 % — «государством», 22 % — «собственниками и работниками» и 42 % — «работниками».

мен, революционные изменения поддерживают только 15 %, за постепенные реформы — 43 %, а 23 % вообще считают, что надо прежде всего «защитить общество от подрывных элементов». С тем, что они ничего не могут сделать, чтобы изменить несправедливые законы, согласились 46 %, скорее согласились — 28 %, скорее не согласились 6 % и совершенно не согласились только 3 %.

Это — сознание растерянной, «неструктурированной», «атомизированной» массы, внезапно оказавшейся без привычного для нее внешнего контроля, в ситуации, когда она должна что-то решать, выбирать, но не имеет никаких ясных критериев, которыми она могла бы руководствоваться. Такую массу очень легко могло повести за собой активное меньшинство, которое освободило бы ее от необходимости мучительных поисков и трудных решений, что и сделали оказавшиеся в 1991 г. у власти Ельцин и его соратники¹.

И если в политическом плане российскую массу повели за собой Ельцин и демократы, то в общемировозренческом, «духовном» плане она устремляется к религии. Скрытый от глаз и ограниченный относительно узким слоем процесс изменения отношения к религии, совершавшийся в позднесоветскую эпоху, принимает массовый и «обвальный» характер.

Самые резкие перемены в массовом сознании происходят, очевидно, на 1989—1990-е гг.² В 1991 г. доверяют РПЦ уже 68 %

¹ Антикоммунистическая и антисоюзная идеология 1991 г. не была столь ясной и определенной, как идеологии революционных партий в России 1917 г. — эпоха таких идеологий уже прошла. Мы можем выделить две доминирующих антикоммунистические идеологические ориентации, «настроения». Во-первых, это преобладающее в эту эпоху «западничество», ориентация на демократическую и рыночную модель и стремление перенести ее в Россию. Во-вторых, это «славянофильская» ориентация на докоммунистическое русское прошлое, «Россию, которую мы потеряли».

Это — две естественные ориентации, возникающие при отвержении коммунистической идеологии и существовавшие во всех странах, расставшихся с коммунизмом. Но отношение между ними в разных странах — разное. В странах Центральной Европы эти ориентации более или менее совпадали — ориентация на докоммунистическое прошлое была и ориентацией на «европейские ценности». В России, где коммунисты пришли к власти не на иностранных штыках, где на период их правления приходится максимальное усиление российского государства, и где демократические идеи не могли найти достаточной опоры в досоветском прошлом, они совпадать не могли.

Но для понимания изменений в отношении российского общества к религии очень важно, что отношение к религии представителей этих очень разных идейных ориентаций было хотя и не тождественным, но схожим.

Для «западничества» свобода религии и ее почетное положение в обществе (прежде всего, естественно, почетное положение традиционной национальной религии, православия) — часть «нормального» западного образа жизни. Для «славянофильства», напротив, религия, православие — скорее антизападный символ, символ того, что отличает «русскую цивилизацию» от западной. Но оба этих направления сходятся в то время на «прорелигиозной» и «проправославной» позиции.

² Опрос, проведенный в Москве в 1988 г. АН СССР и американской социоло-

(коммунистов — 56 %), — больше, чем любому другому государственному или общественному институту (см. табл. 6)¹. 72 % (и 61 % коммунистов) считают, что церковь дает ответы на моральные вопросы, 59 % (50 % коммунистов) — на семейные проблемы, 76 % (71 %) — на духовные запросы и 43 % (40 %) — даже на социальные вопросы. Это — значительно больше, чем лиц, определяющих себя как верующих (28 %) и больше, чем в последующие годы (см. табл. 4), хотя удельный вес верующих в населении затем значительно возрастает. И, на наш взгляд, говорит о колоссальной потребности людей этой смутной революционной эпохи в духовном и моральном авторитете и их готовности найти его в церкви.

Табл. 4. Вера в способность РПЦ дать ответы на различные вопросы, 1991—2005 гг.

Считаете ли Вы, что православная церковь дает ответы по:		1991	1993	1996	1999	2002	2005
Вопросам морали	Да	72	69	55	47	51	55
	Нет	10	15	24	27	30	27
Проблемам семейной жизни	Да	59	56	41	38	32	35
	Нет	21	27	37	34	47	44
Духовным потребностям людей	Да	76	77	63	56	57	63
	Нет	7	10	19	20	24	20
Социальным проблемам, стоящим сегодня перед нашей страной	Да	43	29	22	18	16	16
	Нет	29	46	52	51	59	58

4. «Проправославный консенсус»

Потребности массового сознания и доминирующие идеологические течения приводят к быстрому установлению в обществе «проправославного консенсуса».

«Хорошее» и «очень хорошее» отношение к православию» становится

гической фирмой Marttila and Kiley, показал, что верят в Бога 10 % москвичей (мужчин — 5 %, старше 60 лет — 13 %, до 30 лет — 11 %), и 43 % уверены, что Бога нет. См. Project Understanding. A Survey of the Residents of Moscow. Tabular Report. Boston. 1988. Этот опрос, очевидно, фиксирует начало обвального процесса смены мировоззренческих идентификаций. Наш опрос 1991 г. показывает уже значительно более позднюю стадию процесса.

¹ Естественно, что это — чисто «априорное», идеологическое доверие, ибо в отличие от милиции, СМ и даже правительства, с РПЦ подавляющее большинство опрошенных практически никогда не сталкивались.

Табл. 5. Отношение к разным религиям, 1996—2005 гг.

		1996	1999	2002	2005
Православие	Очень хорошее	41	44	52	54
	Хорошее	47	49	44	41
	Плохое	3	1	1	1
	Очень плохое	1	0	0	0
Ислам	Очень хорошее	7	8	10	13
	Хорошее	40	51	51	51
	Плохое	22	16	20	19
	Очень плохое	8	5	7	6
Католицизм	Очень хорошее	4	5	5	8
	Хорошее	36	52	50	53
	Плохое	17	9	14	15
	Очень плохое	8	3	8	6
Буддизм	Очень хорошее	3	3	4	6
	Хорошее	24	34	34	36
	Плохое	21	15	17	21
	Очень плохое	11	7	13	11
Старообрядчество	Очень хорошее	3	4	4	6
	Хорошее	30	33	34	33
	Плохое	25	21	23	25
	Очень плохое	9	8	12	12
Иудаизм	Очень хорошее	2	2	3	5
	Хорошее	21	28	27	33
	Плохое	22	19	21	22
	Очень плохое	13	8	15	13
Лютеранство	Очень хорошее	2	2	2	4
	Хорошее	20	27	24	22
	Плохое	19	13	19	21
	Очень плохое	11	6	11	12
Баптизм	Очень хорошее	2	2	2	4
	Хорошее	21	22	25	21
	Плохое	32	33	30	34
	Очень плохое	13	12	19	19
Кришнаизм	Очень хорошее	2	2	1	3
	Хорошее	15	19	19	19
	Плохое	23	20	20	24
	Очень плохое	16	12	20	19
Пятидесятничество	Очень хорошее	1	1	1	2
	Хорошее	12	15	15	16
	Плохое	29	24	26	31
	Очень плохое	14	13	18	21
Адвентизм	Очень хорошее	1	1	1	2
	Хорошее	13	13	14	14
	Плохое	21	17	21	22
	Очень плохое	13	10	15	16
Пятидесятничество	Очень хорошее	1	1	1	2
	Хорошее	13	15	15	16
	Плохое	28	24	26	31
	Очень плохое	14	13	18	21
Иеговизм	Очень хорошее	1	2	1	2
	Хорошее	11	13	13	13
	Плохое	28	26	26	31
	Очень плохое	19	22	33	35

Табл. 6. Отношение к православию в зависимости от религиозности, 2005 г.

	Все	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Очень хорошее	54	70	48	21	9
Хорошее	41	28	48	65	61
Плохое	1	0	1	3	8
Очень плохое	0	0	0	0	2

прочным и «безусловным» отношением подавляющего большинства, практически всеобщим. И хотя, когда мы сделали первый замер отношения к разным религиям в 1996 г., нам казалось, что отношение к православию — настолько хорошее, что улучшаться ему уже просто некуда, оно все же из года в год улучшается («очень хорошее» отношение вытесняет просто «хорошее»). Этот консенсус — именно «проправославный», а не вообще «прорелигиозный», ибо РПЦ резко выделяется из всех религий, отношение к которым — значительно хуже, и к некоторым — просто плохое. Мы видим это на табл. 5.

«Проправославный» консенсус — общенациональный, поскольку удельный вес «хорошо» и «очень хорошо» относящихся к православию — значительно больше, чем удельный вес верующих. «Хорошо относятся» к православию не только верующие, но и подавляющее большинство тех, кто идентифицирует себя как «колеблющиеся», «неверующие» и даже «атеисты» (см. табл. 6).

Уже в 1991 г. РПЦ, как мы уже говорили, пользуется доверием большим, чем любые другие институты (полностью доверяли РПЦ 21 %, просто доверяли — 47 %). В 2005 г. это доверие стало еще больше (полностью доверяют уже 26 %, просто доверяют — 45 %), хотя на первом месте по доверию все же оказывается не РПЦ, а президент Путин (см. табл. 7).

При этом доверяют РПЦ, опять-таки, не только верующие, но и большинство колеблющихся и значительное меньшинство неверующих и атеистов (см. табл. 8.)

Несколько «эйфорическое» отношение к способности РПЦ решить различные проблемы, характерное для 1991 г., уменьшилось — люди убедились, что проблемы быстро не решаются (см. табл. 4.).

Но это не влияет на представление о необходимости РПЦ. При выборе различных характеристик РПЦ характеристику «необходимая» безоговорочно выбрали в 1996 г. 43 %, «ненужная» — 4 %, в 1999 г. — 46 % и 2 %, в 2002 г. — 39 % и 3 %, в 2005 г. — 42 %, и 2 %¹

¹ Респонденты должны были выбрать соответствующую их взглядам позицию на 5-балльной шкале, на которой крайние позиции (1-я и 5-я) соответствуют поллярным характеристикам, например, «нужная» и «ненужная».

Табл. 7. Доверие к различным институтам, 1991 — 2005 гг.

	Полностью и скорее доверяют					Скорее не доверяют и совершенно не доверяют					Разница между процентами доверяющих и не доверяющих				
	1991	1993	1999	2002	2005	1991	1993	1999	2002	2005	1991	1993	1999	2002	2005
Верховному Совету СССР	43	—	—	—	—	48	—	—	—	—	-5	—	—	—	—
Верховному Совету РСФСР (РФ)	61	26	—	—	—	31	66	—	—	—	+30	-40	—	—	—
Государственной Думе	—	—	15	30	32	—	—	77	63	62	—	—	-62	-33	-30
Правительству СССР	43	—	—	—	—	50	—	—	—	—	-7	—	—	—	—
Правительству РСФСР (РФ)	63	38	24	46	42	29	52	67	46	52	+34	-14	-43	0	-10
Советской политической системе в целом	40	—	—	—	—	48	—	—	—	—	-8	—	—	—	—
Российской политической системе в целом	—	26	—	—	—	—	60	—	—	—	—	-34	—	—	—
Милиции	34	34	27	27	33	63	64	65	69	64	-29	-30	-38	-42	-31
Правовой системе	37	36	34	32	43	60	60	55	62	52	-23	-24	-21	-30	-9
Армии	66	68	52	57	58	29	26	37	36	37	+37	+42	+15	+21	+21
Просоюзам	45	36	32	—	—	51	55	54	—	—	-6	-19	-22	—	—
РПЦ	68	60	68	67	71	20	33	18	23	21	+48	+27	+50	+44	+50
Прессе	42	38	38	32	33	54	58	54	63	62	-12	-20	-16	-31	-29
Телевидению	53	50	49	42	46	43	46	45	54	51	+10	+4	+4	-12	-5
Политическим партиям	—	—	8	12	16	—	—	72	74	75	—	—	-64	-52	-59
Президенту России	—	—	—	78	76	—	—	—	17	20	—	—	—	+61	+56

Табл. 8. Доверие к РПЦ в зависимости от религиозности респондентов, 2005 г.

	Все	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Полностью доверяю	26	41	14	7	1
Скорее доверяю	45	47	56	23	20
Скорее не доверяю	14	7	19	30	31
Полностью не доверяю	7	2	4	19	34

Табл. 9. Характеристики РПЦ, 1996—2005 гг.

	1996	1999	2002	2005
Необходимая	43	46	39	42
Ненужная	4	2	3	2
Прогрессивная	—	25	23	25
Реакционная	—	2	2	1
Бедная	7	9	5	7
Богатая	25	16	18	19
Услужливая по отношению к властям	—	15	17	17
Независимая	—	11	8	10
Развивающаяся	33	23	18	22
Застойная	3	6	4	5
Заботящаяся в первую очередь о своих материальных интересах	—	3	11	11
Заботящаяся в первую очередь о благополучии людей	—	18	11	14
Гибкая	22	19	16	17
Негибкая	7	2	3	5
Близкая к человеку	43	43	31	35
Далекая от человека	5	2	3	3
Политически активная	15	14	14	14
Политически пассивная	13	9	6	7
Способствует развитию культуры	—	33	26	28
Мешает развитию культуры	—	2	3	2
Способствует демократии	—	17	12	14
Препятствует демократии	—	2	3	3
Терпимая	40	44	37	39
Нетерпимая	7	1	2	1

(см. табл. 9). При этом среди неверующих безоговорочно выбирают характеристику «ненужная» в 2005 г. только 5 %, и среди атеистов — только 10 %.

Хорошее отношение к РПЦ переносится и на православное духовенство. Так, при выборе различных эпитетов, характеризующих православных священников, который предлагался респондентам в 1996 г., безоговорочно преобладают выборы положительных характеристик (см. табл. 10)¹.

Табл. 10. Отношение к священникам РПЦ, 1996 г.

Нужен	57
Не нужен	4
Современный	27
Консервативный	7
Корыстный	6
Бескорыстный	35
Националист	4
Интернационалист	31
Образованный	59
Невежественный	2
Хитрый	4
Прямодушный	30
Отличается широтой взглядов	37
Отличается узостью взглядов	3
Дружелюбный	45
Недружелюбный	2

Хорошее отношение к РПЦ, доверие к ней и выбор хороших качеств для характеристики православных священников имеет в громадной мере «априорный» характер, поскольку реально в какие-либо контакты с РПЦ вступает крохотное меньшинство. Например, в 2005 г. обращались к священнику за каким-либо советом часто только 1 % населения, скорее часто — 3 %, скорее редко — 7 %, редко — 21 %, никогда — 66 %. Это — не эмпирические, а априорные оценки, выражение идеологической ценности РПЦ, ее символического значения для респондентов.

¹ Выбор характеристик респондентами производился по той же схеме, что и выбор характеристик РПЦ, обобщенный в табл. 9.

5. Почему религия и церковь нужны людям?

Мы видели, что отношение к церкви подавляющего большинства — хорошее и «очень хорошее», что существует убеждение, что она «необходима», и что доверие к ней очень высоко. Но почему к ней хорошее отношение, в чем ее необходимость и откуда доверие к ней? Какие функции, по мнению респондентов, выполняет и должна выполнять церковь?

На наш взгляд, из многочисленных ответов респондентов на разные вопросы мы можем вычленить ряд взаимосвязанных характеристик религии и церкви в массовом сознании, объясняющих это отношение. Это: 1) ее «надмирный» характер, 2) ее неизменность и 3) ее национальный характер.

1) «Надмирность» церкви.

В 1996 г. и 1999 г. мы задали серию вопросов о том, чем должна заниматься церковь. Ответы обобщены на табл. 11.

Табл. 11. Как вы считаете, должна ли церковь заниматься:

		1996	1999
Духовными вопросами	Да	91	93
	Нет	3	2
Социальной помощью	Да	78	76
	Нет	13	14
Политической деятельностью	Да	19	18
	Нет	65	66
Коммерческой деятельностью	Да	8	7
	Нет	74	76

Мы видим, что подавляющее большинство определяет сферу церкви как специфически «духовную» (и отчасти — благотворительную). Но что это значит? Что входит в эту духовную сферу?

Отчасти это видно на ответах на вопросы, должна ли церковь высказываться по различным проблемам, обобщенных на табл. 12.

Мы видим, что если вопрос сформулирован абстрактно — вообще «духовные проблемы», вообще «моральные проблемы», вообще «помощь бедным», подавляющее большинство признает, что они относятся к сфере церкви. Но стоит попытаться как-то конкретизировать эти «духовные» и «моральные» проблемы, картина получается совершенно иная.

На вопрос, должна ли церковь высказываться по моральным проблемам, в 2002 г. «да» ответили 82 %. Но ждали от церкви каких-то высказываний даже по таким, непосредственно связанным с церковным учением вопросам, как проблема абортотв в 1996 г., — только 50 %, по проблеме гомосексуализма в 1991 г. — 49 %, а в 1996 г. — 41 %, относительно борьбы с коррупцией в 2002 г. — 31 %. Считают, что церковь должна призывать

Табл. 12. «Считаете ли Вы правильным, чтобы церковь высказывалась по следующим вопросам?» (Ответившие: «Да»). 1991—2002 гг.

	1991	1993	1996	1999	2002
Разоружения	77	70	58	52	52
АбORTов	51	53	50	—	—
Развивающихся стран	44	39	31	30	33
Внебрачных связей	55	58	53	—	—
Борьбы с безработицей	59	52	48	31	31
Расовой дискриминации	61	55	51	—	—
Правомерности прекращения жизни смертельно больных людей	48	51	47	—	—
Гомосексуализма	49	47	41	—	—
Экологии	80	77	70	65	53
Правительственной политики	53	39	33	—	—
Моральным проблемам	—	—	—	84	82
Проблемам семьи	—	—	—	78	75
Помощи бедным	—	—	—	84	81
Своевременной уплаты зарплаты и пенсий	—	—	—	31	26
Борьбы с коррупцией	—	—	—	31	32
Борьбы с антисемитизмом	—	—	—	41	41
Равных прав меньшинств	—	—	—	44	42
Преследования лиц других национальностей	—	—	—	43	44
Защиты прав русских в бывших союзных республиках	—	—	—	56	57
Предотвращения военных конфликтов	—	—	—	62	65
Защиты интересов России за рубежом	—	—	—	52	51

к «вообще» помощи бедным, 82 %, но только 26 % ждут от нее реакции на массовые задержки в выплате пенсий и зарплаты.

Мы уже отмечали, что удельный вес людей, обращающихся к представителям церкви за советами в своих личных жизненных вопросах, — микроскопически мал, и что удельный вес тех, кто считает, что церковь «имеет исчерпывающие ответы» на различные вопросы, с 1991 г. снижался, а не рос, причем это относится даже к «духовным потребностям» (см. табл. 4).

Табл. 9 показала безоговорочное преобладание хороших характеристик, которые дают церкви респонденты. Но при этом эпитеты, связанные с активностью, устремлением в будущее, выбираются относительно

редко. Характеристику «прогрессивная» безоговорочно выбрали в 2005 г. только 25 % («консервативная» — 5 %), «развивающаяся» — 23 % («застойная» — 5 %), «политически активная» — 14 % («политически пассивная» — 7 %), «способствующая развитию культуры» — 28 % («препятствующая развитию культуры» — 2 %), «способствующая развитию демократии» — 14 % («препятствующая» — 3 %). Между тем характеристику «необходимая» выбирают 42 %, и ясно, что необходимость церкви в сознании респондентов совершенно не связана с ее активностью.

От религии и церкви не ждут помощи в решении конкретных проблем личной и общественной жизни. Можно даже сказать, что сейчас ждут такой помощи меньше, чем в 1991 г. (удельный вес лиц, считающих, что церковь должна высказываться по тем или иным вопросам, падает).

Но это никак не отражается на положительном отношении и доверии к ней и представлении об ее необходимости. Положительное отношение и доверие растут параллельно уменьшению ожидания от нее какой-то активности, даже параллельно падению интереса к ее позиции в разных конкретных вопросах.

Религия в сознании респондентов — особая, «надмирная», «духовная» сфера, соприкасающаяся с повседневной жизнью очень ограниченно, прежде всего — в богослужении и ритуале, которые освящают жизнь, придают ей «сакральное измерение». Но потребность в этом освящении — велика и даже растет.

2) Неизменность церкви.

Социальная, экономическая, политическая сферы, сфера повседневной жизни человека — это сферы, где неизбежны разногласия, споры, поиски каких-то новых путей. Но специфически «мистическая» и «надмирная» сфера — это сфера вечного, неизменного, где нет места поискам нового и разномыслию.

В 2005 г. мы дали респондентам на выбор два утверждения, с которыми они могли согласиться или нет. Из табл. 13 видно, что идея религиозного поиска отвергается не только большинством верующих, но и большинством неверующих и атеистов.

Посмотрим снова на табл. 5, в которой обобщено отношение респондентов к разным религиям. Мы видим, что не только отношение к православию — неизмеримо лучше, чем к другим религиям, но ко многим религиям отношение — скорее отрицательное. При этом религии по отношению к ним опрошенных образуют определенную относительно устойчивую (очень мало изменившуюся за 9 лет) иерархию — хотя ни одна религия не может сравниться с православием, есть более или менее «любимые» и «нелюбимые» религии. Попытаемся понять природу этой иерархии, что, на наш взгляд, позволяет лучше понять и ценность религии, православия для наших респондентов.

Табл. 13. Отношение к поискам нового в религиозной сфере, 2005 г.

	Все опро- шенные	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
<i>Следует опираться на авторитет духовенства традиционных религий</i>					
Согласны и полностью согласны	52	68	46	20	9
Не согласны и полностью не согласны	31	22	33	48	55
<i>Лучше пробовать и испытать разные варианты духовной жизни, предлагаемые разными религиями для того, чтобы прийти к своему пониманию веры.</i>					
Согласны и полностью согласны	13	11	14	17	16
Не согласны и полностью не согласны	65	75	60	45	58

Легко заметить, что это — отнюдь не иерархия религиозной близости к православию. Отношение к исламу и буддизму, например, лучше, чем отношение к баптизму, к иудаизму — лучше, чем к адвентизму. Что же это за иерархия? В каком отношении буддизм может быть «лучше» баптизма?

Единственным объяснением этой иерархии может быть только то, что ислам, буддизм, католицизм и иудаизм — это религии других народов, которые не пытаются распространяться среди русских. А баптизм или адвентизм — пытаются, вносят плюрализм в сферу, где нет места плюрализму, новое — в сферу, которая должна оставаться неизменной, создают возможность выбора в сфере, где не должно быть выбора.

И это — именно «общенациональное», «общекультурное» отношение, ибо иерархия отношения к разным религиям — общая у всех мировоззренческих групп, у атеистов — такая же, как и у верующих (см. табл. 14).

РПЦ в сознании респондентов должна быть отстранена от повседневной жизни, где неизбежны споры, разногласия, деления. Она должна оставаться неизменной, и ее положение в религиозной сфере также должно оставаться неизменным и неоспоримым.

3) Национальный характер церкви.

В отношении к разным религиям проявляется третья важная характеристика церкви, объясняющая потребность в ней людей. Церковь должна быть «надмирной», не должна заниматься конкретными делами повседневной жизни. И этим она может освящать жизнь, придавать ей сакральное измерение. Она должна быть неизменной, в нее нет места

Табл. 14. Удельный вес высказывающих плохое и очень плохое отношение к разным религиям, 2005 г.

	Всего	Верующие	Атеисты
Православие	1	0	10
Католицизм	21	20	26
Тслам	25	23	31
Буддизм	32	30	27
Зарубежная православная церковь	32	32	32
Лютеранство	33	32	32
Иудаизм	35	33	28
Старообрядчество	37	37	33
Адвентизм	38	40	35
Кришнаизм	43	43	47
Пятидесятничество	52	53	43
Муниты	52	53	45
Баптизм	53	54	49
Иеговизм	66	68	57

разногласиям, поискам нового. И она должна быть национально русской. (Как мы увидим в дальнейшем, понятия «русский» и «православный» в современном массовом сознании практически сливаются.)

Эти характеристики — взаимосвязаны. Лишь своей отстраненностью и неизменностью церковь может объединять современных русских с их предками, олигарха и нищую старушку, «братка», который между разборками вполне может дать деньги на церковь¹, и генерального прокурора, недавно призавшего ввести институт полковых священников, правительственных чиновников и «коммуно-патриотическую» оппозицию. РПЦ — неизменный сакральный символ «русскости», «русской духовности» и русского единства.

Эволюцию отношения к церкви мы рассмотрим более подробно в дальнейшем. Но уже сейчас мы можем констатировать, что потребность в «надмирном» общенациональном и обязательном символе с годами не уменьшается, а увеличивается и что отношение к РПЦ улучшается параллельно ухудшению отношения к другим религиям, прежде всего религиям, распространяющимся среди русских (это ясно видно на табл. 5).

Чем объясняется эта эволюция в отношении к РПЦ? Понять ее можно, лишь принимая во внимание всю эволюцию российского общества и российского сознания в постсоветский период.

¹ В российском фильме «Бригада» ярко показана роль религии в жизни криминальной группы. Она — достаточно велика. Ее руководитель гордится построенными им церквями, а ее участники соблюдают все полагающиеся ритуалы при рождении, бракосочетании и похоронах.

6. Эволюция настроений постсоветского российского общества

В 1991 г. были распущены КПСС и СССР, и Россия вступила на путь строительства «демократического общества с рыночной экономикой».

Все эти события не являлись результатом какого-либо достигнутого в обществе консенсуса. В России 1991 г. не было ни консенсуса, ни ясного и резкого политико-идеологического размежевания. Россия 1991 г. — общество неорганизованных (с резко ослабленной и советским, и досоветским опытом способности к самоорганизации), «атомизированных» индивидов, которых пришедшие к власти «демократы» во главе с Ельциным ставили перед свершившимися фактами, не спрашивая их мнения¹. И если в 1991 г. в обществе все же был некоторый всплеск радужных ожиданий, связанных с рынком и демократией, то после 1991 г. наступает эпоха разочарования в «идеалах 1991 г.», которые на деле и в 1991 г. были идеалами незначительного меньшинства.

Распад СССР был страшным шоком, психологические последствия которого будут ощущаться еще очень долго. В 1996 и 1999 гг. мы давали респондентам на выбор два утверждения: «Развал СССР является причиной того, что положение в России ухудшается. Развал можно и нужно было предотвратить» и «Развал СССР был неизбежен». В 1996 г. с первым утверждением согласились 47 %, со вторым — 33 %, в 1999 г. — 55 % и 29 %.

Рыночные реформы оказались очень болезненными и привели к резкому обнищанию большинства и громадному росту социального расслоения. Удельный вес людей, предельно (высшая оценка по 10-балльной шкале) недовольных жизнью, растет. В 1991 г. их 8 %, в 1993 г. — 11 %, в 1996 г. — 13 %, 1999 г. — 16 %, 2002 г. — 16 %. Предельно недовольны своим материальным положением в 1991 г. — 12 %, 1993 г. — 17 %, 1996 г. — 23 %, 1999 — 28 %.

Ухудшается моральное состояние людей. Уменьшается число респондентов, считающих, что «большинству людей можно доверять»: 1991 г. — 35 %, 1993 г. — 29 %, 1996 г. — 19 %, 1999 г. — 18 %. Респондентов, уверенных в том, что люди стали меньше помогать друг другу, в 1993 г. было 82 %, 1996 г. — 77 %, 1999 г. — 81 %.

¹ Беловежские соглашения полностью противоречили желаниям российского населения, выраженным на референдуме о судьбе СССР в марте 1991 г., они буквально «свалились на голову» не подготовленному к ним народу, мнение которого правящая группа не решилась спросить даже постфактум. Социально-экономические реформы — либерализация цен и приватизация — также несомненно противоречили мнениям большинства, как они видны в данных наших опросов.

В изменении ответов на ряд вопросов четко видно разочарование в рыночных реформах и рыночных идеалах (см. табл. 15).

Табл. 15. Изменения в отношении к рынку. 1991—1999 гг.
(Крайние позиции по 10-балльной шкале)

	1991	1993	1996	1999
Разницу между доходами людей необходимо уменьшить	4	9	15	17
Разница между доходами должна быть значительна и зависеть от личного вклада.	22	10	9	8
Должно быть больше частных предприятий	11	7	6	4
Должно быть больше государственных предприятий	14	10	16	22
Конкуренция — это хорошо. Она стимулирует людей напряженно работать и развивать новые идеи	32	22	20	17
Конкуренция вредна. Она пробуждает в людях самое худшее.	3	4	3	4
Люди могут накапливать богатство только за счет других	7	7	10	10
Богатство можно накопить и не за чужой счет	16	10	8	11

Люди быстро устали от не приносящих им улучшения положения реформ и многие с ностальгией вспоминают стабильные советские времена. За возвращение к советским порядкам в 1999 г. было 17 %, в 2002 г. — 13 %. За то, чтобы взять все хорошее из советского строя и в 1999 г. и в 2002 г. — 69 %, за то, чтобы как можно быстрее избавиться от советского наследия — 7 % и 8 %. С утверждением: «вся организация общества должна быть радикально изменена путем революционных преобразований», в 1991 г. согласились 15 %, в 1993 г. — 4 %, в 1999 г. — 6 %. С утверждением: «наше общество должно быть постепенно улучшено с помощью реформ» — 43 %, 50 % и 46 %. С утверждением: «наше общество должно быть защищено от всех разрушительных сил» — 29 %, 37 % и 38 %.

С 1991 по 1999 гг. резко снижается доверие ко всем политическим институтам общества (см. табл. 7). При этом наименьшее доверие вызывают как раз те институты, которые наиболее связаны с демократией и зависимы от народа — парламент и политические партии. Колоссальная степень разочарования во всем отчетливо видна в снижении числа людей, готовых в случае войны сражаться за Родину. В 1991 г. таких — 68 %, 1993 г. — 62 %, 1994 г. — 56 %. Не готовы сражаться — 13 %, 14 % и 17 %.

Недовольство происходящим ведет к общему разочарованию в политике. Число людей, для которых политика важна, и те, кто обсуждает вопросы политики со своими друзьями, уменьшается (см. табл. 16).

Табл. 16. Изменение значения политики для респондентов, 1991—2005 гг.

		1991	1993	1996 [*]	1999	2002	2005
Процент лиц, оценивающих значение политики для себя как	Очень важное	11	6	8	7	7	5
	Важное	25	18	22	20	18	21
	Не важное	41	43	41	41	45	43
	Совершенно не важное	20	30	27	30	29	29
Обсуждают политику с друзьями:	Часто	32	19	22	—	—	—
	Иногда	50	58	55	—	—	—
	Никогда	16	22	21	—	—	—

* При оценке данных 1996 г. в этой и следующей таблице надо учитывать, что это — год президентских выборов, которые представлялись народному сознанию как важные и альтернативные.

Растет число лиц, отвечающих «никогда» на вопрос о том, готовы ли они принимать участие в различных политических акциях (см. табл. 17).

Табл. 17. Изменение удельного веса лиц, которые никогда не стали бы принимать участие в политических акциях, 1991—1999 гг.

	1991	1993	1996	1999
В подписании петиций	23	42	39	44
В демонстрациях	22	46	40	45
В бойкотах	50	67	60	—

Растет неверие в возможность рядового человека влиять на политику. В 1991 г. полностью согласных с тем, что если закон — несправедлив, они ничего поделать не могут — 46 %, согласных — 20 %, не согласных — 6 % и полностью не согласных — 3 %. В 1993 г. соответствующие цифры — 46 %, 29 %, 11 %, 4 %. В 1996 г. — 49 %, 30 %, 4 % и 1 %.

Разочарование в политике неразрывно связано с разочарованием в идее демократии. Как мы уже говорили, идея демократии не занимала значительного места в системе ценностей даже в 1991 г. На первом месте была ценность экономического роста, то есть улучшения материального положения. Но поскольку революция 1991 г. осуществляется под лозунгами демократии, все ужасы, свалившиеся на русских людей во время и после нее, связываются в их сознании с демократией. Демократия в глазах большинства все более ассоциируется с хаосом, обнищанием народных масс, ростом разрыва в доходах между богатыми и бедными, упадком внешнего могущества страны.

Ответы на некоторые вопросы прекрасно показывают иерархию со-

циальных ценностей в сознании народа и ее изменение. Респондентам предлагались наборы из четырех утверждений о различных главных задачах государства, из которых они должны были выбрать первую и вторую по степени важности. Вот как распределялись их ответы (см. табл. 18).

Табл. 18. Представления о главных задачах государства, 1991—2005 гг.

		1991	1993	1996	1999	2002	2005
1. Достижение высокого уровня экономического развития	Первый выбор	70	70	69	69	75	—
	Второй выбор	16	15	16	16	14	—
2. Обеспечение надежной обороноспособности	Первый выбор	7	8	11	10	12	—
	Второй выбор	21	25	36	38	39	—
3. Создание условий, когда люди имеют больше возможностей решать, что должно делаться у них на работе, по месту жительства, и т.д.	Первый выбор	15	15	14	16	9	—
	Второй выбор	34	36	28	29	29	—
4. Попытаться сделать наши города и села более красивыми	Первый выбор	4	3	3	2	3	—
	Второй выбор	19	13	11	12	12	—
1. Сохранение порядка	Первый выбор	57	61	64	59	59	60
	Второй выбор	22	25	22	27	24	20
2. Предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства	Первый выбор	24	13	15	14	14	17
	Второй выбор	23	18	22	22	22	22
3. Борьба с ростом цен	Первый выбор	14	23	18	25	23	19
	Второй выбор	36	47	43	44	42	47
4. Защита свободы слова	Первый выбор	2	1	2	1	2	2
	Второй выбор	11	6	8	5	7	8
1. Стабильная экономика	Первый выбор	64	65	67	71	71	72
	Второй выбор	19	20	19	19	18	17
2. Движение к более гуманному обществу	Первый выбор	9	8	6	5	6	6
	Второй выбор	21	15	16	12	13	16
3. Движение к обществу, в котором идеи ценятся больше денег	Первый выбор	5	3	4	3	4	4
	Второй выбор	11	8	9	8	11	13
4. Борьба с преступностью	Первый выбор	19	22	21	19	18	17
	Второй выбор	42	50	51	58	54	53

Картина поразительная и яркая. Главные цели — материальное благополучие и порядок, и их значение растет¹. Одновременно с этим такие ценности, как возможность народа влиять на решение правительства и возможность людей влиять на положение дел на их предприятии или на их месте жительства, не только занимают очень скромное место, но их значение падает. Про ценность свободы слова и говорить нечего. Люди хотят стабильности, порядка и экономического роста, то есть материального благополучия, но при этом не хотят сами влиять на власть и положение дел в стране. Порядок и экономический рост должны быть принесены «сверху», не зависящей от людей властью.

В 1999 г. с утверждением, что в России, как и в других странах, установится демократия, согласились 25 %, с тем, что «Россия еще не созрела для демократии» — 37 %. Удельный вес согласных с тем, что людям надо предоставить больше свободы, упал с 1991 г. по 1996 г. с 58 % до 46 %. При выборе между свободой и равенством в 1991 г. свободу выбрали 40 %, равенство — 42 %, в 1999 г. — 32 % и 43 %, 2002 г. — 29 % и 39 %, 2005 г. — 38 % и 40 %.

Разочарование в революции, конец революционной эйфории в разных ситуациях может иметь разные следствия. В той или иной мере через него прошли все посткоммунистические страны. Но если в странах Центральной Европы оно вело к утрате в результате поражения на выборах власти радикалами, стоявшими во главе стран в революционное время, и приходу к власти умеренных, связанных со старой элитой, что окончательно закрепило правовую демократическую систему, основанную на ротации власти, то в России оно имело иные и парадоксальные следствия.

Поскольку разочарование в результатах революции 1991 г. стало разочарованием в демократии, оно приводит к укреплению позиций той самой власти, которая установилась в результате этой революции. Общество боится возвращения хаоса 1991 г. и не хочет новых потрясений, связанных со сменой власти, оно убеждено, что любая твердая власть лучше, чем безвластие и борьба за эту власть². Поэтому, несмотря на все

¹ Специфический «материализм» современного российского сознания виден как в неуклонном выборе экономического роста в качестве важнейшей задачи государства, так и в выборе хорошей зарплаты как самой важной характеристики работы. В 1996 г. мы дали респондентам список из различных характеристик работы, которые они должны были отметить как важные или неважные. Хорошую зарплату отметили 90 %, в то время как возможность проявлять инициативу — 26 %, полезность работы для общества — 43 %, «работу, где Вы чувствуете, что можете достичь чего-то» — 31 %, «работу, которая интересна» — 65 %, «работу, где можно проявить себя» — 34 %.

² Особенности российского политического процесса — отсутствие консенсуса по поводу основных решений власти в революционный период 1991 г., навязывание властью своих решений не способному сопротивляться обществу — отражались

недовольство политикой власти, в решающие моменты (на референдумах 1993 г., на президентских выборах 1996 г.) народ голосует за власть.

И чем больше власть укрепляется, чем больше она становится «безальтернативной» и независимой от общества, чем дальше она отходит от демократической идеологии 1991 г., чем отчетливее сквозь контуры новой демократической власти проглядывает старый лик российского авторитаризма, тем больше примиряется с ней общество.

Когда самые трудные в экономическом отношении времена остались позади, а первый президент России Ельцин ушел, передав пост избранному им преемнику, не связанному так, как Ельцин, с падением СССР и демократической риторикой 1991 г., и приступившему к выстраиванию жесткой «вертикали власти», этот преемник, Путин быстро достиг колоссальной популярности и доверия, не сопоставимого с доверием к каким-либо политическим институтам и превышающего даже доверие к РПЦ. Путин стал объединяющим подавляющее большинство общества символом конца «смутного времени» и возвращения к порядку, который в российском сознании практически синонимичен независимости власти от общества, авторитаризму.

Российское общество при Путине обретает новую стабильность в традиционных для него, привычных ему формах. И ряд наших данных говорят об улучшении морального состояния общества, о возвращении людям некоторой уверенности в своем государстве и даже — чувстве гордости им. На табл. 7 мы видим, что в последние годы несколько увеличивается доверие ко всем государственным институтам. Колоссальное доверие к президенту как бы переносится на другие институты, доверие к ним растет по мере того, как растет их зависимость от президентской власти и независимость от общества.

Улучшается «моральный климат» общества. Выше мы приводили цифры, показывающие неуклонное падение числа лиц, считающих, что большинству людей можно доверять. В 1999 г. таких людей осталось 18 %. Но к 2002 г. нового падения не было. Процент доверяющих — тот же, 18 %. А к 2005 г. их процент уже возрос до 21 %. Выросло число людей, гордых своей страной (см. табл. 19).

и на особенностях российской оппозиции. Эта «коммуно-патриотическая» оппозиция не могла не взять своими лозунгами «Банду Ельцина — под суд!», «Долой оккупационный режим!» и т.д. Сила оппозиции заключалась в отвержении самыми широкими слоями общества революции 1991 г. и ее идеалов, в «контрреволюционности» оппозиции. Но в этом же заключалась и ее слабость. Приход такой радикально «контрреволюционной» оппозиции к власти имел бы совсем иные следствия, чем приход к власти «умеренных» в центрально-европейских странах, разделявших с революционными силами, вставшими у власти при свержении коммунистических режимов основные, базовые ценности. Ее приход к власти был бы новым социальным потрясением, новой «революцией». Поэтому, сочувствуя ее лозунгам, большинство одновременно боится ее прихода к власти.

Табл. 19. Удельный вес гордящихся своей страной. 1993—2005 гг.

	Очень горды	Горды	Не горды	Совершенно не горды
1993	21	46	19	8
1996	27	40	17	8
1999	23	42	20	9
2002	30	45	17	5
2005	33	44	13	4

Эволюция общественного сознания и общественных институтов России в постсоветский период — это эволюция в антидемократическом направлении, и новая стабилизация и улучшение морального климата достигнуты за счет отказа от многих, так и не заработавших в полную мощь, демократических институтов и так и не ставших массовыми и прочными демократическими ценностей.

В 2005 г. мы задали новую серию вопросов, касающихся общих политических позиций, ответы на которые во многом были для нас неожиданны и выявили громадное распространение антидемократических и антизападных установок (см. табл. 20).

Табл. 20. Отношение к демократии, 2005 г.

	Совершенно согласны	Скорее согласны	Скорее не согласны	Совершенно не согласны
Беспорядок и беззаконие в России — следствие демократии	20	29	28	9
Люди смогут навести порядок в стране, если им дать больше свободы	6	20	43	17
От выборов и споров между партиями больше вреда, чем пользы	33	43	13	3
Правительства западных стран стремятся к ослаблению и развалу России	30	36	17	3
Чем больше мы будем сближаться и сотрудничать с западными странами, тем лучше будем жить	7	30	33	12
От попыток устроить жизнь в России по западному образцу — один вред	18	34	28	5
Россия — по сути, европейская страна и в будущем станет частью западного мира	8	27	29	9

Какое отношение описанные выше процессы в массовом сознании имеют к религии? Самое непосредственное.

Стремление к сильной, не зависящей от общества, «безальтернативной» власти предполагает стремление к какой-то освящающей эту власть и воплощающей единство с ней общества идейной и символической системе. Но никакой такой «светской» идейной системы после падения коммунистической идеологии нет и, очевидно, и быть не может. Любые экономические и политические вопросы вызывают разногласия, решение их всегда спорно, результаты его всегда неопределенны. И есть только одна идейная сила, способная в какой-то мере выполнить эту роль. Это — религия, православие. Церковь — «надмирна», она не имеет отношения к вызывающим разногласия проблемам мирской жизни, и поэтому она может объединить всех. Она неизменна, в ней самой нет места спорам, разногласиям, плюрализму, не отделимым от современного демократического общества. Она неразрывно связана с русской историей и может играть роль символической ограды русского общества от западных влияний.

И чем дальше общество переходит от неопределенных стремлений к переменам, от разномыслия и анархии 1991 г. к новой стабильности и единству, от «Демократической России» к «Единой России», тем больше у него стремление утвердить новое «морально-политическое единство», придав религии характер обязательности и всеобщности, фактически утвердив ее как свой официальный и обязательный сакральный символ.

7. Стремление к утверждению православия как государственной религии. Рост нетерпимости к религиозному инакомыслию

Мы уже видели, как рост «хорошего» и «очень хорошего» отношения к православию сопровождается ростом «плохого» и «очень плохого» отношения к другим, новым для России конфессиям, деятельность которых воспринимается как опасная для «морально-политического единства постсоветского российского общества», подрывающая единство «русскости» и православия.

Другой стороной этого усиления негативного отношения к новым конфессиям является рост поддержки идеи придания РПЦ статуса официальной государственной церкви и принудительного ограничения государством деятельности других религий.

Это видно и в ответах на многие вопросы. Так, в 1996 г. нами был задан вопрос о том, «как бы Вы отнеслись, если бы религиозные группы,

которые я перечислю, организовали по радио и телевидению религиозные программы?». Ответы выявляют уже знакомую нам иерархию отношения к разным религиям, в которой протестанты находятся ниже мусульман, и ясную поддержку привилегированного доступа РПЦ к СМИ и ограничения этого доступа для других религий (см. табл. 21).

Табл. 21. Отношение к радио и телепередачам разных конфессий, 1996 г.

	Очень положительно	Довольно положительно	Довольно отрицательно	Очень отрицательно
РПЦ	33	45	7	4
Мусульмане	6	32	23	14
Баптисты	3	18	30	21
Другие протестанты	2	14	29	23
Свидетели Иеговы	2	12	27	27

На табл. 22 мы видим, как с 1996 г. по 2005 г. ослабла поддержка религиозной свободы и равноправия и усилилась поддержка привилегий РПЦ. При этом «согласны» и «скорее согласны» с привилегиями РПЦ в 2005 г. 45% неверующих и 36% атеистов!

Табл. 22. Поддержка религиозной свободы и привилегий РПЦ, 1996—2005 гг.

		1996	1999	2002	2005				
		Все	Все	Все	Все	Верующие	Колеблящиеся	Неверующие	Атеисты
Все религии должны обладать равными правами в России	Совершенно согласен	33	26	24	21	22	21	20	15
	Скорее согласен	37	37	33	32	30	36	37	31
	Скорее не согласен	18	20	22	26	30	24	16	20
	Совершенно не согласен	2	3	8	9	9	7	9	12
РПЦ должна обладать определенными привилегиями в России	Совершенно согласен	24	21	27	30	37	26	20	10
	Скорее согласен	27	30	34	34	35	36	25	26
	Скорее не согласен	31	30	21	20	18	21	22	31
	Совершенно не согласен	6	4	7	6	3	5	12	15

Сторонников обязательного обучения в средней школе всех де-

тей основам православной веры в 1996 г. было 11 %, 1999 г. — 14 %, 2002 г. — 11 %, 2005 г. — 24 %.

В 2002 г. с тем, что представители РПЦ должны участвовать в управлении государством, согласились («полностью» и «скорее») 44 %, в том числе верующих — 52 %, колеблющихся — 46 %, не верующих — 29 %, атеистов — 21 %. С тем, что телевидение имеет право показывать программы, запрещенные РПЦ, не согласились и скорее не согласились — 39 % всех опрошенных, в том числе 44 % верующих, 37 % колеблющихся, 29 % неверующих и 32 % атеистов. С тем, что власти не должны принимать решения и законы, противоречащие учению РПЦ, согласились 45 %, верующих — 55 %, колеблющихся 49 %, неверующих — 26 % и атеистов — 19 %.

Если принять во внимание, что, как мы уже видели, в 2002 г. только 16 % в согласии с тем, что церковь имеет ответы на социальные вопросы, стоящие перед страной, считают, что церковь должна выступать по вопросам, связанным со своевременной уплатой пенсий и жалования 26 %, по вопросам безработицы — 31 %, по вопросам борьбы с коррупцией — 32 %, ясно, что это участие в управлении мыслится не как реальное участие в выработке конкретных политических решений, а как общее религиозное и моральное освящение власти и участие в поддержании религиозного контроля над обществом, мер по укреплению его символического «морально-политического единства».

В 2005 г. считали, что нельзя позволять новым для России церквям строить религиозные здания или покупать для религиозных целей старые здания — 55 %, проповедовать в общественных местах — 66 %, распространять свои издания — 60 %, открывать религиозные школы — 62 %, проповедовать по телевидению — 62 %¹.

В этом же году считали, что должны быть запрещены публичные выступления против религии — 36 %, в том числе 24 % атеистов и 22 % неверующих (!), что противникам религии нельзя позволять преподавать в университетах — 17% (5% атеистов и 15% неверующих!), что книги, написанные противниками религии, надо изъять из местных библиотек — 22 %, в том числе 14% атеистов и 12% неверующих. (Все это скорее напоминает Ближний Восток, чем современные западные общества.)

Практически полное исчезновение марксистско-ленинской идеологии не означало столь же резких изменений в психологии общества. Привычки к «безальтернативности» власти и к единой идеоло-

¹ Это — заметно больше, чем тех, кто считает, что надо ограничить деятельность мусульман и иудеев. Странников запрета на постройку церквей новых религий — 55 %, мечетей — 33 %, синагог — 37 %. Странников запрета публичной проповеди проповедникам новых религий — 66 %, мусульманским — 57 %, иудейским — 56 %, сторонников запрета распространения печатных изданий — соответственно 60 %, 44 % и 46 %, открытия школ — 62 %, 42 % и 44 %.

гии, «морально-политическому единству» формировались не только в советский период. Они формировались и весь самодержавный период российской истории и глубоко укоренены в русском сознании. Поэтому образ «нормальной», желаемой большинством России, который возникает из результатов наших опросов — это образ, не так далекий от несколько «смягченного» образа советской системы (и также несколько смягченного образа самодержавной системы с ее идеологической «тройцей» самодержавия, православия и народности) с президентом в роли генерального секретаря, «Единой Россией» в роли КПСС, а православием — в роли того тщательно охраняемого символа «морально-политического единства», которым в эпоху СССР была марксистско-ленинская идеология.

Церковь и власть — снова вместе, как до революции 1917 г., и укрепляют друг друга. Демонстрируемая Путиным серьезная православная религиозность, несомненно, способствует его популярности¹. Церковь как бы переносит на Путина свой авторитет. С другой стороны, религиозность президента способствует и дальнейшему усилению «проправославного консенсуса», роли религии как символа единства, ибо президент также переносит свой авторитет на церковь.

8. Настоящий русский — православный

В 2005 г. мы включили серию вопросов, ответы на которые, на наш взгляд, ярко демонстрируют идеологию, на которой основывается российский «проправославный консенсус» и раскрывают специфически национальную роль православия в России. Вопросы задавались только русским респондентам (см. табл. 23).

Мы видим, что понятия «русский» и «православный» настолько сближаются, что становятся почти синонимами. «Православный» — это «настоящий русский», и защита православия — это обеспечение «национальной безопасности».

В силу этого в полном противоречии с «нормальной» логикой и прямым значением терминов в современной России понятие «православный» не является частью более широкого понятия «верующий», а, скорее, наоборот — понятие «верующий» стало частью понятия «православный». Людей, определяющих себя как православных, в России значительно больше, чем тех, кто определяет себя как верующих.

¹ Во всяком случае популярность Путина, громадная во всех категориях опрошенных, у верующих все же больше, чем в среднем. В 2002 г. «полностью доверяли» Путину 27 % опрошенных (доверяли — 49) и 29 % верующих, в 2005 г. «полностью доверяли» — 27 % и 30 %.

Табл. 23. Ответы на вопросы, показывающие роль православия как символа русской идентичности, 2005 г.

	Все	Верующие	Колеблящиеся	Неверующие	Атеисты
<i>Русский человек, даже если не крещен и в церковь не ходит, все равно православный в душе</i>					
Согласен	44	51	48	27	18
Скорее согласен	40	39	40	43	29
Скорее не согласен	7	5	5	12	10
Не согласен	2	1	1	4	9
<i>Если русский человек обращается в другую, не православную веру, он перестает быть по-настоящему русским</i>					
Согласен	12	15	11	6	8
Скорее согласен	22	26	24	11	16
Скорее не согласен	36	35	37	41	26
Не согласен	14	12	14	17	24
<i>Православные церкви есть и у других народов, но истинную православную веру можно найти только в России</i>					
Согласен	22	28	21	9	9
Скорее согласен	31	33	34	29	12
Скорее не согласен	22	22	23	26	26
Не согласен	6	5	4	13	13
<i>Не русский человек, даже если он крещен и ходит в церковь, все равно никогда не станет по-настоящему православным</i>					
Согласен	15	18	17	10	10
Скорее согласен	32	32	35	23	23
Скорее не согласен	24	26	26	20	20
Не согласен	8	9	6	9	9
<i>Русские, хотя и живут беднее западных народов, но духовно их богаче и верой сильнее</i>					
Согласен	40	45	37	38	19
Скорее согласен	35	36	41	26	21
Скорее не согласен	9	7	8	10	20
Не согласен	2	2	1	2	10
<i>Западные церкви, проповедующие в России, подрывают истинную веру русского народа и наносят ему вред</i>					
Согласен	20	25	18	11	12
Скорее согласен	33	36	33	26	17
Скорее не согласен	22	21	24	23	26
Не согласен	6	5	8	6	8
<i>Государство должно защищать православную веру русского народа от ее противников</i>					
Согласен	31	40	28	15	13
Скорее согласен	42	44	47	36	18
Скорее не согласен	10	6	12	15	27
Не согласен	3	3	3	5	7

В 1991, 1993 и 1996 гг. мы задавали вопрос: «Вне зависимости от того, ходите ли Вы в церковь, считаете ли Вы себя приверженцем определенного вероучения?». Ответили «Да» в 1991 г. 34 %, в 1993 г. — 43 %, в 1996 г. — 36 %. Это больше, чем называвших себя верующими (соответственно, 23 %, 32 % и 34 %), что означает, что для части респондентов можно быть приверженцем определенного вероучения, не будучи верующим. Когда же у тех, кто причисляет себя к приверженцам определенного вероучения, спрашивали: какого? — подавляющее большинство (в 1991 г. — 80 %, в 1993 и 1996 гг. — 91 %) отвечало: православного. Не православные — это прежде всего представители разных национальных меньшинств, в основном мусульмане. Удельный вес баптистов и адвентистов все эти годы никогда не достигал более 1 % отождествлявших себя с каким-либо вероучением, не говоря уже о всех респондентах (что, на наш взгляд, говорит о несколько «патологическом» характере страхов перед новыми конфессиями, столь распространенных в русском обществе). «Православными» оказываются и многие неверующие, и даже атеисты (по замечательной формуле белорусского президента А. Лукашенко: «Я — православный атеист»).

В 1999 г. мы задали схожий вопрос, но сформулированный несколько иначе. Мы уже не спрашивали предварительно, считают ли опрошиваемые себя приверженцами какого-либо вероучения, а сразу же спросили: «Считаете ли Вы себя православным?» Если на этот вопрос не было ответа «да», интервьюер перечислял другие религии: «католиком, протестантом, иудеем, мусульманином, другое...», пока не добивался положительного ответа. При поставленном так вопросе православными назвали себя уже 82 % респондентов. В 2002 г. — 80 % (6 % — мусульмане). В 2005 г. — 79 % (3 % мусульман и 1 % протестантов), в том числе — 92 % верующих, 88 % колеблющихся, 39 % неверующих и 22 % атеистов.

Ясно, однако, что это — православие, которое имеет лишь очень опосредованное отношение к религиозной вере. Оно может породить «установку на веру», «желание веры». Но расстояние от «установки на веру» до веры может быть очень большим.

Далее мы попытаемся понять, насколько «проправославный» консенсус и практическое отождествление православия с «русскостью» переходят в религиозную веру, веру в Бога и догматы православной церкви.

9. Вера в Бога и догматы церкви

О том, как меняется удельный вес верящих в разные религиозные догматы, мы можем судить на основании табл. 24.

Табл. 24. Удельный вес верующих в различные религиозные доктрины

	1991	1993	1996	1999	2002	2005	Рост с 1991 по 2005 гг.
В Бога	34	48	47	61	59	66	+32
В бессмертие души	44	54	56	58	57	62	+8
В загробную жизнь	17	26	24	24	27	31	+14
В грех	40	56	55	60	57	63	+13
В существование дьявола	12	28	27	31	32	38	+26
В ад	13	24	22	26	27	36	+23
В рай	15	26	24	31	32	39	+24
В ангелов	—	—	—	36	40	37	
В воскресение мертвых	7	12	9	10	10	15	+9
В чудеса	—	—	—	—	43	48	—

Мы видим, что удельный вес верящих в Бога за 1991—2005 гг. вырос почти в два раза и сейчас верят в Бога (или, вернее, отвечают «да» на вопрос, верят ли они в Бога) большинство населения¹.

Значительно меньше растет удельный вес лиц, верящих в другие христианские догматы, неразрывно связанные с верой в Бога в структуре православного вероучения. При этом есть определенная относительно устойчивая их иерархия — в некоторые догматы людям поверить легче, в некоторые труднее.

Схожую картину дают и ответы на ряд других вопросов, касающихся христианских догм, которые мы задавали в 2002 и 2005 гг. (см. табл. 25).

Мы не беремся объяснить иерархию догматов, которая вырисо-

¹ Из таблицы видно, что рост удельного веса верящих в Бога и другие церковные догматы рос неравномерно. Было два периода резкого подъема — с 1996 по 1999 гг. и с 2002 по 2005 гг. С чем связана эта неравномерность, мы не знаем. Можно предположить, что первый период резкого роста — с 1996 по 1999 гг. — связан с психологическими последствиями дефолта 1998 г., а второй, с 2002 по 2005 гг., имеет совсем иную причину. Это — годы стабилизации постсоветской системы и колоссальной популярности подчеркнуто религиозного Путина.

Табл. 25. Вера в христианские догматы, 2002 и 2005 гг.

	Твердо верю		Считаю вероятным		Считаю маловероятным		Совсем не верю	
	2002	2005	2002	2005	2002	2005	2002	2005
Иисус существовал*	23	29	41	38	14	13	8	8
Иисус воскрес из мертвых	16	22	30	33	23	19	13	13
Бог сотворил мир	21	23	30	31	20	18	13	13
Бог отвечает на наши молитвы	20	25	28	33	20	16	14	12
Иисус — сын Божий	24	29	24	34	32	12	14	9
Грех — нарушение Божьей воли	24	29	33	35	14	11	11	10

* Следует отметить поразительно, на наш взгляд, большое число лиц, не верящих или считающих маловероятным то, что Иисус вообще существовал. Отрицание исторического Иисуса, утверждение, что Иисус — лишь миф, было одним из положений советской атеистической псевдонауки. Удивительно, как эта атеистическая догма оказалась живучей в годы, когда отношение к религии радикально изменилось.

выдается из наших таблиц. Ответить на вопрос, почему людям легче поверить в загробную жизнь, чем в воскресение мертвых, и в существование рая — чем в существование ада, трудно¹. Но вера в Бога, как мы видим, значительно распространеннее, чем вера во все иные догматы, в том числе и в то, что Бог сотворил мир и что он отвечает на наши молитвы. В 2005 г. верили в Бога 66 %, в то, что Бог сотворил мир — 51 %, и в то, что он отвечает на молитвы — 45 %.

Скорее всего это объясняется тем, что взятое вне конкретных систем религиозных верований, понятие Бога становится предельно не определенным и соответственно, и ответ «да» на вопрос, верите ли Вы в Бога, становится относительно простым. Верить в комплекс христианских догматов — сложно, но верить в вообще какого-то Бога, который, может быть, даже не сотворил мира и не отвечает на молитвы — довольно просто, и именно потому, что не совсем ясно, что это значит².

¹ Гипотетически можно предположить, что значительно большее распространение веры в загробную жизнь, чем в воскресение мертвых, может быть связано с воздействием массовой культуры. Есть очень много фильмов и художественных произведений, в которых изображается общение с мертвыми. Но нет, насколько нам известно, ни одного, где бы изображалось воскресение мертвых. Стоит отметить, что такая иерархия верований — явление не специфически российское. В Финляндии, например, верят в Бога 74 %, а в то, что Бог сотворил мир — только 59 %.

² Возможно, эта же логика позволяет объяснить, почему вера в бессмертие души значительно распространенней веры в загробную жизнь. Идея «бессмертной» души без идеи загробной жизни души и загробного воздаяния — такая же неопределенная, как идея Бога без идей сотворения им мира и возможности молитвенного общения с ним.

На наш взгляд, это подтверждается и ответами на вопрос, о том, как люди понимают слово «Бог», который мы задавали во всех наших опросах (см. табл. 26).

Табл. 26. Представления о Боге, 1991—2005 гг.

	1991	1993	1996	1999	2002	2005
Есть Бог, с которым человек может установить личные отношения	7	12	15	18	19	19
Есть что-то вроде Духа или жизненной силы	34	33	35	38	34	34
Не знаю	39	26	24	21	23	25
Нет никакого Бога, Духа или жизненной силы	21	22	18	16	16	15

Мы видим, что удельный вес лиц, понимающих Бога по-христиански, как живого Бога, с которым человек вступает в личные отношения, растет, но остается значительно ниже удельного веса тех, кто вообще «верит в Бога», и тех, для кого Бог — некий безличный символ.

Картина незначительного распространения веры в церковное учение становится еще более рельефной, если мы дополним ее данными о вере в различные суеверия и в современные паранаучные и парарелигиозные мифологемы.

В ряде опросов в список вопросов «Верите ли Вы» в различные христианские догматы мы включали и вопросы о вере в нехристианские представления. Ответы обобщены в табл. 27.

Табл. 27. Вера в нехристианские религиозные представления, 1991—2005 гг.

	1991	1993	1996	1999	2002	2005
В переселение душ	17	21	20	21	20	22
В астрологию	—	—	37	42	43	42
В магию*	—	—	—	45	43	45

* В 1999 г., кроме вопроса о вере в магию, мы задали отдельный вопрос о вере в колдовство. В колдовство верили 47 %.

Картина получается очень яркая и очень причудливая. Выясняется, что в нехристианское представление о переселении душ русским постсоветским людям поверить значительно проще, чем в христианскую идею воскресения мертвых, а в магию — чем в загробную жизнь.

Эта картина дополняется ответами на вопросы о различных суевериях и современных паранаучных верованиях, которые мы задавали в 2002 и 2005 гг. (в 2005 году мы несколько сократили предложенный список). См. табл. 28.

Табл. 28. Старые и новые суеверия. 2002 и 2005 гг.

	Твердо верю		Считаю вероятным		Считаю маловероятным		Совсем не верю	
	2002	2005	2002	2005	2002	2005	2002	2005
Число «13» приносит несчастье	6	6	18	18	34	33	35	35
Человек может предсказывать будущее	14	—	47		23	—	10	—
Судьба каждого человека предопределена	22	22	40	37	22	22	9	10
Есть целители, которые могут совершать чудеса	14	—	46		23	—	10	—
Человеку могут сниться сны с предзнаменованиями	30	30	50	46	12	15	4	5
Предметы можно передвигать силой мысли	5	5	18	19	38	33	29	30
С умершим человеком можно общаться	5	6	12	16	35	28	36	38
Люди могут читать мысли друг друга	10		32	—	30	—	18	—
Душа может покидать на время тело	11	—	24	—	27	—	24	—
Черный кот приносит несчастье	5	5	14	15	32	32	42	40
Расположение звезд при рождении человека влияет на всю его жизнь	14	12	35	34	24	22	11	16
Существуют внеземные существа, посещающие землю, например, НЛО	10	11	31	30	27	24	17	19
Разбитое зеркало приносит несчастье	11	11	28	24	28	27	25	26

Перейдя от цифр, характеризующих идеологию, отношение к религии, к цифрам, характеризующим собственно религиозность, мы сразу же спускаемся на уровень на порядок более низкий. Всеобщее убеждение в том, что православие — высшая ценность, что оно неотделимо от русского самосознания и русской культуры, что РПЦ надо доверять и надо оберегать ее, ограничивая деятельность других религий, лишь очень слабо переходит в веру (даже чисто «вербальную» веру) в собственно учение РПЦ. 67 % доверяют РПЦ, 63 % считают, что она дает исчерпывающие ответы на духовные запросы людей», более того, 36% — за запрет публичных выступлений против религии, 22 % — за изъятие из библиотек антирелигиозных книг, но при этом в личного Бога верят только 19 %!

И если поддержка идей официального характера национальной религии и государственного ограничения антирелигиозной пропаганды и новых для России религий заставляют вспомнить скорее о мусульманском Ближнем Востоке, чем о современной Европе, то по распространенности веры в Бога Россия не дотягивает (может быть, конечно, пока не дотягивает) до средневропейского уровня. По данным межстранового, общеевропейского опроса 2000 г. верящих в Бога в Европе в целом было 71 %¹, в России — 61 %².

10. Мировоззренческие самоидентификации. Категория верующих

В наших опросах предлагалось выбрать для себя одно из следующих определений: «верующий», «колеблющийся», «неверующий» и «атеист». Вот как менялось соотношение между этими категориями (см. табл. 29).

Таблица 29. Мировоззренческие группы по самоидентификации

	1991	1993	1996	1999	2002	2005
Верующие	23	32	34	40	44	53
Колеблющиеся	28	28	30	30	29	24
Неверующие	7	30	24	22	20	14
Атеисты	35	5	6	5	5	6

Число лиц, называющих себя верующими, не совпадает с числом лиц, дающих ответ «да» на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?», которое мы видим на табл. 24, — оно всегда меньше. Самоидентификация как верующих в глазах респондентов — нечто более серьезное, чем просто сказать, что ты веришь в Бога. Отвечая так, человек как бы берет на себя определенные обязательства и включает себя в некоторую мировоззренческую категорию, отделяя себя от других категорий, противопоставляя себя им. Но ритм роста числа верующих, естественно, совпадает с ритмом роста числа «верящих в Бога». За 1991—2005 гг. число «верующих» выросло более чем в двое, а число отвечающих «да» на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» — чуть меньше чем вдвое.

Параллельно с ростом числа и удельного веса в населении верующих в начале рассматриваемого периода идет падение числа и удельного веса

¹ Страны, где удельный вес верящих в Бога максимален — Мальта (99 %), Ирландия и Польша (96 %) и Румыния (93 %). Минимален он в Швеции — 46 %, Эстонии — 42 %, Чехии — 35 %.

² Цифра — очень близкая к полученным нами в 2002 г. — 59 % и 2005 г. — 66 %.

атеистов. С 1991 по 1993 г. процент атеистов упал «катастрофически» — с 35 % до 5 %. Но далее он стабильно держится на этом уровне.

В какие категории перешли атеисты? Разумеется, они могли перейти в любые категории, но, скорее всего, с 1991 по 1993 г. большинство из них перешло в бурно и симметрично с падением числа атеистов растущую категорию «неверующих». В 1991 г. называть себя атеистом стало уже немного «неприлично». Массовый конформистский атеизм распался, и его представители, если не объявили себя «колеблющимися» или просто верующими, стали предпочитать более «мягкую» и не «вызывающую» самоидентификацию как «неверующих», уже затем, в последующие годы, переходя в «колеблющиеся» и «верующие» — после бурного роста с 1991 по 1993 г. численность категории «неверующих» постепенно уменьшается. Почему, однако, численность атеистов после 1993 г. стабилизируется? Почему эта группировка вообще не исчезает?

На наш взгляд, с атеистами происходит то, что обычно бывает при массовых колебаниях народного сознания, и что происходило с верующими при первом движении нашего «маятника».

Массовая формальная православная религиозность после революции 1917 г. стала быстро распадаться, и в 20-е — 30-е гг. можно было предполагать, что в обозримый период в России вообще не останется ни одного верующего. Но на деле все было далеко не так. Масса формальных, конформистских приверженцев легко и быстро покидает потерпевшую поражение религию. Но всегда существует небольшое меньшинство, для которого изменить свою самоидентификацию, свою идейную принадлежность очень трудно. И те верующие, которые сохранили веру в революционный период и в годы самого бурного атеистического натиска, в массе своей так и прожили верующими до конца своих дней. Никакие усилия атеистической пропаганды уже ничего с ними поделать не могли.

Нечто похожее, на наш взгляд, происходит и с атеистами при втором ударе «маятника». Конформистские атеисты «ушли из атеизма» в 1989—1992 гг., остались «твердые», выдержавшие натиск религиозной волны, которые, наверное, теперь уже и останутся атеистами до конца своих дней — им уже поздно меняться.

Когда человек говорит о себе — «Я — верующий» или «Я — атеист», это все же относительно серьезное утверждение мировоззренческой и жизненной позиции. Поэтому при громадной аморфности, эклектичности и разнообразии различных индивидуальных «вер» группы по самоидентификации дают нам как бы точки опоры в дальнейшем исследовании.

Однако надо четко понимать, что грань между ними — проницаема и подвижна, и что заявление о том, что ты верующий или атеист, не означает, что человек «подписывается» под неким «кредо», и лишь

в незначительной мере дает возможность предсказать его ответы на другие вопросы.

Выше мы говорили о том, что атеисты и неверующие в той или иной мере входят в «православный консенсус». Атеисты, из которых 9 % «очень хорошо» и 61 % — «хорошо» относятся к православию, 21 % — доверяют и скорее доверяют РПЦ, 36 % согласны с необходимостью привилегий для РПЦ, 47 % считают, что каждый русский — православный в душе, а 4 %, как мы увидим ниже, просто «верит в Бога» — это все же не совсем «настоящие атеисты». Советский термин 30-х гг. «воинствующий атеист» к ним никак не приложим. С другой стороны, многие, заявляющие о себе как о верующих, не верят в основные христианские догматы.

Табл. 30 иллюстрирует эту аморфность массового сознания и мировоззренческих категорий, к которым относят себя респонденты, материалами из опроса 2005 г.

Табл. 30. Вера представителей разных мировоззренческих категорий, 2005 г.

	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
<i>Твердо верят, что</i>				
Иисус существовал	49	12	3	2
Иисус воскрес из мертвых	38	5	2	1
Бог сотворил мир	40	6	2	1
Бог отвечает на молитвы	44	6	1	1
Иисус — Сын Божий	48	12	2	1
Грех — нарушение Божественной воли	48	15	1	1
<i>Верят</i>				
в Бога	94	57	9	4
в жизнь после смерти	47	17	5	8
в существование дьявола	58	24	5	4
В воскресе ние мертвых	24	4	5	1
В переселение душ	31	15	7	12
В астрологию*	46	42	33	25
<i>Твердо верят, что</i>				
Предметы можно передвигать силой мысли	7	4	1	2
Существуют внеземные существа, посещающие землю, например, НЛО	13	8	7	10

* При этом и в 2002, и в 2005 г. 24 % вообще не верили гороскопам, а 2 % — очень верили (по 10-балльной шкале). Большинство — «полуверило».

Мы видим очень причудливую и хаотичную картину. Только 49 % верующих твердо уверены в том, что Иисус существовал, и только 38 % — что он воскрес из мертвых. Зато 46 % из них верят в астрологию и 13% — в НЛО. Верующие не только больше, чем не верующие, верят в догматы церкви — они больше верят во все новые и старые суеверия¹.

С другой стороны, 4 % атеистов верят в Бога, 12% — в переселение душ и 8% — в жизнь после смерти.

11. Насколько важна вера?

Пока мы находимся на уровне слов, причем слов очень неопределенных, в чем мы могли убедиться, когда пытались выяснить, что имеется в виду под словами «Я верю в Бога» или «Я —верующий». Но важно не только содержание верований, но и их интенсивность. Для одного человека сказать: «Я верю в Бога», может означать полную перестройку жизни, для другого это может вообще ничего не значить.

Насколько важны для людей их верования? В какой мере утверждения о вере в Бога и идентификация себя как верующего действительно что-то значат?

Посмотрим сначала, как оценивают сами респонденты важность для них религии и Бога (см. табл. 31).

¹ Верования, приведенные в последних двух строках табл. 30, — только часть большого списка всяких не христианских верований и суеверий, о которых мы спрашивали респондентов в 2002 и 2005 гг. Мы не приводим все данные об отношении верующих ко всем этим суевериям, ибо текст и без того перегружен таблицами и цифрами. Но здесь, в сноске, мы приведем некоторые данные из ответов на эти вопросы.

В то, что число «13» приносит несчастье, в 2005 г. твердо верят 6 % опрошенных и 9 % верующих, в то, что жизнь человека предопределена, — 22 % и 40 %, в пророческие сны — 30 % и 51 %, в возможность общения с умершими — 6 % и 22 %, в то, что черная кошка приносит несчастье, — 5 % и 7 %, в то, что позиция звезд на небе в момент рождения человека определяет его судьбу, — 5 % и 7 %, в то, что разбитое зеркало предвещает несчастье — 11 % и 21 %. Нет ни одного суеверия, в которое и по данным 2002 г., и по данным 2005 г. верующие не верили бы больше, чем все опрошенные.

И эта корреляция суеверий с верой — не статистический «артефакт», связанный с тем, что среди верующих — больше женщин и старых людей, склонных к суевериям. Если мы математически вычленим действие факторов возраста и пола, мы увидим, что вера (принадлежность к группе «верующих») — значимый самостоятельный фактор. Для веры в переселение душ зависимость от принадлежности к верующим — $B = -.238$, Std. Error — .025, Beta — ., 263, $t = -9.508$, Sig — .000. Для веры в астрологию — $B = -.082$, Std. Error — .027, Beta — ., 082, $t = -3.040$, Sig — .002. Для веры в возможность передвигать предметы силой мысли — $B = -.275$, Std. Error — .048, Beta — ., 154, $t = -5.762$, Sig — .000. И т.д.

Табл. 31. Важность разных сфер жизни, 1991–2005 гг.

		1991	1993	1996	1999	2002	2005	2005, верующие
Работа	Очень важна	45	49	57	61	54	53	52
	Довольно важна	36	33	27	23	26	24	24
	Не очень важна	12	12	10	8	10	11	12
	Совсем не важна	4	5	5	7	8	10	11
Семья	Очень важна	78	76	75	76	77	78	81
	Довольно важна	18	19	19	19	18	17	15
	Не очень важна	3	3	3	4	3	4	3
	Совсем не важна	1	1	1	1	1	1	0
Друзья	Очень важны	29	26	35	28	32	34	32
	Довольно важны	47	48	46	50	47	48	49
	Не очень важны	21	23	18	20	19	16	17
	Совсем не важны	2	2	1	2	2	2	2
Досуг	Очень важен	28	24	26	19	25	30	27
	Довольно важен	42	45	42	45	44	41	43
	Не очень важен	23	24	24	29	24	23	25
	Совсем не важен	4	4	5	4	5	4	5
Политика	Очень важна	11	6	8	7	7	5	6
	Довольно важна	25	18	22	20	18	21	20
	Не очень важна	41	43	41	41	45	43	43
	Совсем не важна	20	30	27	30	29	29	30
Религия	Очень важна	11	11	11	12	10	15	25
	Довольно важна	20	21	21	23	26	30	44
	Не очень важна	6	37	38	37	37	33	23
	Совсем не важна	30	28	27	24	25	20	6
Насколько важен Бог в Вашей жизни	Совершенно не важен*	30	24	20	17	15	11	1
	Очень важен	9	12	12	13	14	16	29

* Мы приводим только удельный вес крайних оценок по 10-балльной шкале.

Утверждение: «Религия — важна» в значительной мере отражает общую положительную оценку религии. Если ты признаешь, что религия — необходима и важна вообще, как-то трудно после этого сказать, что она не важна лично для тебя. Тем не менее мы видим, что в иерархии разных сфер жизни по степени их важности место религии — более чем скромное. В 1991 г. среди 6 разных сфер жизни религия занимала последнее место, а предпоследнее занимала политика. Затем религия и политика поменялись местами. С 1991 по 2005 г. важность политики последовательно уменьшалась, а важность религии и

Бога — последовательно росли параллельно с ростом других вербальных показателей религиозности. Но выше предпоследнего места религия так и не поднялась. При этом процент тех, для кого религия не важна, пока остается выше процента тех, для кого она важна (53 % и 45 %), и даже среди верующих религия «не важна» и «не очень важна» для 29 % и занимает то же предпоследнее место¹.

Еще более скромное место по степени важности занимает религия, когда мы спрашиваем не просто о ее важности, а о важности в определенных жизненных ситуациях, ситуациях выбора. На табл. 32. мы видим, какие факторы, по мнению респондентов, важны для успешного брака.

Табл. 32. Условия, решающие для благополучного брака

	1991	1993	1996
Общность религиозных взглядов. Очень важна	10	12	14
--- Довольно важна	17	19	22
--- Не очень важна	71	65	58
Удовлетворенность сексуальными отношениями. Очень важна.	46	35	48
Проживание отдельно от родственников супруга (и). Очень важно	35	36	42
Материальный достаток. Очень важен	36	35	39
Хорошие жилищные условия. Очень важны.	50	49	55

Мы видим, что хорошие жилищные условия, проживание отдельно от родственников и удовлетворенность от сексуальных отношений — значительно важнее общности религиозных взглядов.

Но, пожалуй, наиболее видно очень небольшое значение религии в том, какое значение придается родителями религиозности детей. В 1996 г. мы предложили респондентом список из 11 качеств, которые они хотели бы видеть в своем ребенке, из которых они могли выбрать 5 важных, с их точки зрения, качеств. Результаты обобщены в табл. 33.

Табл. 33. Качества, которые респонденты хотели бы видеть в своем ребенке (удельный вес не отмеченных респондентами качеств), 1996 г.

Трудолюбие	10
Чувство ответственность	23
Терпимость и уважение к другим людям	29

¹ Если так можно выразиться, это — «нормальный» средневропейский уровень. По межстрановому опросу 1990 г. во Франции «очень важна» религия для 14%, в Британии — для 18 %, ФРГ — 13 %, Финляндии — 15 %. В США «очень важна» религия для большинства населения — 54 %.

Настойчивость	55
Хорошие манеры	57
Бережливость	60
Независимость	63
Послушание	75
Бескорыстие	82
Воображение	89
Религиозность	93

Мы видим, что религия респондентами почти не упоминается, и даже «хорошие манеры» их детей для них неизмеримо важнее их религиозности.

12. Институциональная религиозность

При анализе данных о субъективной важности религии и Бога мы пока не вышли за пределы слов. Если для 29 % тех, кто определяет себя как верующих, религия может быть не важна, то и ответ — «религия — очень важна» также может быть чисто конформистским стереотипным заявлением, которое нельзя подтвердить никакими фактами. Нам важно понять, в какой мере утверждения о собственной вере, о важности православия и т.д. претворяются в действия. И прежде всего — в специфически религиозные действия — посещение церкви, молитвы, соблюдение постов и т.д.¹ Начнем с совершения таинств, сопровождающих основные вехи человеческой жизни — рождение, брак, смерть.

Даже в советское время крещение детей и церковный обряд похорон были очень распространены. Церковный брак был распространен значительно меньше — во-первых, он был относительно опасен — за это могли исключить из комсомола, во-вторых, распространенность разводов лишает брак того ореола исключительно важного, единственного раз в жизни происходящего события, которое требует особого, религиозного освящения. Постсоветская эпоха внесла здесь лишь незначительные изменения. На табл. 34 представлена динамика ответов на вопрос: «Как Вы считаете, важно или нет совершение религиозных обрядов в следующих случаях?»

¹ Строго говоря, в опросе мы вообще не выходим за пределы слов и о действиях респондентов узнаем с их слов. В этих словах могут содержаться и преувеличения — люди могут полусознательно стараться приписать себе действия, более соответствующие их представлениям о должном, чем их реальное поведение.

Табл. 34. Совершение религиозных обрядов при рождении, заключении брака и смерти, 1991—2005 гг.

		1991	1993	1996	1999	2002	2005
При рождении	Важно	67	72	76	74	78	80
	Нет	13	19	14	15	12	11
При заключении брака	Важно	52	51	53	57	56	57
	Нет	16	34	29	38	27	28
При смерти	Важно	63	65	70	71	76	79
	Нет	14	21	16	15	12	11

Удельный вес признающих важность крещения детей и отпевания умерших (и, очевидно, частота действительного совершения крещений и отпеваний) несколько выросли, но удельный вес признающих важность церковного брака практически не вырос, а число лиц, считающих, что церковный брак — не важен, по сравнению с 1991 г. даже возросло, причем особенно возросло среди верующих — в 1991 г. 85 % верующих считали церковный брак важным и только 6 % — не важным, в 2005 г. — 70 % и 21 %.

Рождение, смерть близкого человека и, в значительно меньшей мере, бракосочетание — это исключительные жизненные ситуации, и это те случаи, когда в церкви бывает большинство русских постсоветских людей. Вне этих случаев посещение церкви — значительно более редкое событие (см. табл. 35).

Табл. 35. Динамика посещения церквей, 1991—2005 гг.

Посещают церкви:	1991	1993	1996	1999	2002	2005	2005, верующие
Не реже раза в месяц	6	7	6	7	7	11	20
Несколько раз в год	8	10	20	19	19	21	32
Раз в год или реже	27	21	25	29	31	30	32
Никогда	59	62	48	45	42	38	19

Посещение церквей раз в месяц — нормальное общепринятое в социологии религии измерение религиозности, и по этому измерению Россия находится на одном из последних мест в Европе и мире¹. Рост регулярного посещения церкви, и очень небольшой, отмеча-

¹ По данным общеевропейского опроса 2000 г., на который мы уже ссылались, российское ежемесячное посещение церкви было на уровне 10 % при среднеевропейском уровне — 31 %. Ниже России была только одна страна — Швеция, где ежемесячное посещение было на уровне 9 %. В Финляндии не реже раза в месяц церковь посещали 14 %.

ется только в самые последние годы и абсолютно не пропорционален росту числа открытых церквей. Правда, значительно возросло число людей, посещающих церковь несколько раз в году, на большие праздники.

Схожую картину дает и динамика ответов на вопрос: «Как часто Вы молитесь Богу не во время религиозных служб?» (см. табл. 36).

Табл. 36. «Как часто Вы молитесь Богу не во время церковных служб?», 1991–2005 гг.

	1991	1993	1996	1999		2002	2005	2005, верующие
Часто	8	13	13	15	Каждый день*	14	18	32
Иногда	8	12	14	12	По крайней мере раз в неделю	10	12	14
Очень редко	6	7	8	9	По крайней мере раз в месяц	7	8	10
Только в критических ситуациях	13	15	15	16	Несколько раз в год	14	12	17
Никогда	66	51	45	44	Раз в год	6	5	6
Не знаю		2	4	3	Никогда	48	45	21

* В 2002 г. формулировка вопроса была изменена.

Мы видим, что никогда не молятся сейчас 45 %, а молятся каждый день — 18 %¹. Очень интересно, что при этом 25 % твердо верят и 33 % просто верят, что Бог отвечает на молитвы, а не верят в это — только 28 %, то есть значительно меньше тех, кто никогда не молится.

Все данные об институциональной религиозности дают примерно одинаковую картину очень медленного и незначительного роста. См., например, табл. 37.

Полностью соблюдали пост в 1996 г. 4 %, в 1999 г. — 4 %, в 2002 г. — 3 %, в 2005 г. — 6 %, частично — 22 %, 21 %, 24 % и 26 % и вообще не соблюдали 55 %, 56 %, 60 % и 52 %.

Только 1 % (!) опрошенных и только 3 % верующих в 2002 г. и те же 1 % и 3 % в 2005 г. сказали, что они часто обращаются к священнику за советом по жизненным вопросам. 1 % и 5 % в 2002 г. и 3 % и

¹ В общеевропейском опросе 2000 г. вопрос задавался несколько иначе и, наверное, правильнее, чем у нас. По данным этого опроса молились не реже раза в месяц 34 % россиян. Реже молились англичане (32 %), французы (25 %), датчане (24 %) и эстонцы (23 %).

Табл. 37. «Принимали ли Вы когда-либо Святое причастие?», 1999—2005 гг.

	1999	2002	2005	2005, верующие
Никогда	53	45	42	27
Когда-то давно, в детстве	17	21	20	19
Несколько лет назад	12	15	16	23
Приблизительно год назад	5	6	7	11
Меньше года назад	4	3	4	7
Месяц назад	2	1	3	5
Меньше месяца назад	2	2	2	4

6 % в 2005 г. обращались относительно часто, 5 % и 8 % в 2002 г. и 7 % и 11 % в 2005 г. — относительно редко, а 75 % всех опрошенных и 58 % верующих в 2002 и 66 % и 49 % верующих 2005 г. не обращались никогда. (И это при том, что большинство верит, что церковь имеет ответы на моральные и семейные вопросы!)

В 2002 г. мы спрашивали респондентов, читали ли они Библию. Читали, но не всю, 40 %, только Новый Завет — 5 %, только Ветхий завет — 1 %, всю Библию — 9 %, вообще никогда ее не читали 45 %. На вопрос, как часто они ее читают, ответы были: «постоянно» — 3 %, иногда — 40 %, никогда — 56 %. В 2005 г. не реже раза в неделю читали Библию 4 % опрошенных и 7 % верующих, не реже раза в месяц — 4 % и 6 %, несколько раз в год — 5 % и 12 %, реже — 19 % и 10 % и никогда не читают — 60 % и 26 %. (При этом в 2005 г. согласились с тем, что Библия — Слово Божие 21 % опрошенных и 34 % верующих.)

Как только мы перешли с уровня слов на уровень дел, движение нашего «маятника» сразу резко замедлилось. «Хорошее отношение» к церкви, убеждение в ее необходимости и убеждение, что без православия нет «русскости», даже объявление себя «верующим» лишь с громадным трудом переходит в личную веру, хоть в какой-то мере подкрепленную делами.

Мы видим удивительную картину очень высокого идеологического значения религии и церкви и даже высокой степени религиозной нетерпимости при очень невысокой степени собственно религиозности и «воцерковленности».

13. «Традиционные верующие»

По мере перехода с уровня идеологии на уровень сначала чисто «словесной» веры в Бога, а затем — на уровень претворения этой веры в какие-либо действия, признаки «религиозного возрождения» стано-

вятся все менее заметными, а «поверхностность» и скорее идеологическое, чем собственно религиозное содержание новых самоидентификаций как «верующих» и «православных» все очевидней.

При этом по мере приобретения церковью квазигосударственного характера, и «хорошим» отношением к православию — характера общенационального консенсуса, понятия «верующий» и «православный» девальвируются. Мы видели, что понятие «православный» стало практически синонимом понятия «русский» и соответственно, положительный ответ на вопрос, православный ли Вы, очень мало говорит о реальных взглядах и действиях «православных» — они могут быть даже атеистами. Нечто похожее происходит и с понятием «верующий». Люди, заявлявшие о себе как о верующих, в советское время и даже в какой-то минимальной мере в 1991 г., совершали акт неконформизма. Это был серьезный и, если в конце советской эпохи уже не слишком опасный, то, во всяком случае, не приносящий никакой выгоды мировоззренческий выбор. Заявить о себе как о православном и верующем в 2005 г. — скорее уж наоборот, акт конформизма, определенное мужество теперь надо, наоборот, для того, чтобы сказать о себе: «Я — атеист». (С понятиями «православный» и «верующий» в постсоветское время происходит то же, что происходило с понятиями «коммунист» и «атеист» в советское. Чем больше становилось коммунистов и атеистов, тем меньше реальное значение имели их атеизм и коммунизм.)

Сравнение некоторых данных о верующих 1991 г. и верующих 2005 г. позволяет увидеть эту девальвацию понятия «верующий». Так в 1991 г., когда верующих было 23 %, заявили, что религия для них — важна и очень важна, 75 %, а в 2005 г., когда верующих стало 53 %, — 69 %, посещали церковь раз в месяц и чаще в 1991 г. — 20 % верующих, хотя при незначительном количестве церквей для каких-либо деревенских старушек пойти в церковь, расположенную в далекой деревне, было почти то же, что совершить паломничество к святым местам, а в 2005 г., несмотря на множество новых церквей, — те же 20 %, часто молились в 1991 г. — 33 % верующих, в 2005 г. — 22 %, считали церковный брак не важным в 1991 г. 6 % верующих, а в 2005 г. — 21 %¹.

Поэтому мы попытались вычленить категорию лиц, которых с большей или меньшей обоснованностью можно считать действительно верующими.

¹ Естественно предположить, что с неверующими и атеистами происходит обратный процесс — чем меньше их становится и чем больше объявление себя неверующим и атеистом становится актом неконформизма, тем серьезней должен стать их атеизм. К сожалению, проверить эту гипотезу — очень трудно, поскольку атеистов стало очень мало, и значение случайных факторов в их ответах резко возросло.

Для этого мы отобрали лиц, которые: 1) идентифицируют себя как верующих; 2) верят в Бога, с которым можно вступить в личные отношения (а не в «жизненную силу»); 3) считают себя православными и 4) или а) посещают церковь не реже раза в месяц, или б) часто молятся. Это — как бы «ядро» более широкой и аморфной группы «верующих» по самоидентификации, входящих в которое людей мы условно назвали «традиционными верующими».

Динамика их удельного веса в населении и во всей массе верующих дана в табл. 38.

Табл. 38. Динамика удельного веса традиционных верующих, 1991—2005 гг.

	1991	1996	1999	2005
Верующие	23	34	40	53
Традиционные верующие	3	6	7	8,8
Удельный вес традиционных верующих среди всех верующих	13	18	17,5	16,6

Мы отлично понимаем, что наши критерии вычленения «настоящих» православных верующих очень не строги.

Не только сознание и поведение всех «верующих», но и сознание и поведение «традиционных верующих» — не слишком ортодоксальны. Например, 13 % из них (данные 2005 г.) вообще никогда не причащались, только 50 % верят и 30 % не верят в воскресение мертвых, 15 % даже не верят в загробную жизнь, зато 44 % верят в астрологию (больше, чем среди всех опрошенных — 42 %), 6 % — в высшей степени (максимальная оценка по 10-балльной шкале) доверяют гороскопам, 40 % твердо верят, что жизнь человека предопределена, 14 % — что материальные предметы могут двигаться силой мысли. Во все древние дохристианские и даже новые суеверия они верят значительно больше, чем опрошенные в целом и чем верующие в целом. См. табл. 39.

Вера традиционных верующих в громадной мере — «суеверная», в которой элементы христианской системы соединены с самыми разными архаическими представлениями.

Тем не менее даже при наших «либеральных» критериях отнесения опрошенных к этой группе она представляет собой незначительное и очень мало растущее меньшинство. А если бы применяли более строгие критерии, группа «традиционных верующих», очевидно, вообще оказалась бы «неуловимой» опросами, как не «улавливаются» ими разные небольшие меньшинства.

Мы последовательно переходили в нашем изложении материала от факторов, влияющих на отношение к религии, сначала к анализу этого отношения, идеологической роли религии, затем к личной

Таблица 39. Традиционные верующие и суеверия. 2005 гг.

	Твердо верю			Считаю веро- ятым			Считаю мало- вероятным			Совсем не верю		
	Все опрошенные	Верующие	Традиционные верующие	Все опрошенные	Верующие	Традиционные верующие	Все опрошенные	Верующие	Традиционные верующие	Все опрошенные	Верующие	Традиционные верующие
Число «13» при- носит несчастье	6	7	9	18	22	23	33	31	27	35	32	37
Судьба каждого человека предо- пределена	22	30	40	37	44	38	22	15	11	10	6	4
Человеку могут сниться сны с предзнаменова- ниями	6	10	22	16	21	28	28	30	19	38	27	22
Предметы можно передвигать силой мысли	5	7	14	19	20	19	33	33	30	13	15	13
С умершим человеком можно общаться	6	10	22	16	21	28	28	30	19	38	27	22
Черный кот при- носит несчастье	5	6	7	15	16	19	32	33	33	40	36	34
Расположение звезд при рож- дении человека влияет на всю его жизнь	12	18	22	34	38	32	22	19	15	15	15	20
Существуют вне- земные существа, посещающие землю, например, НЛО	11	16	21	24	28	34	27	25	23	26	19	14
Разбитое зер- кало приносит несчастье	11	16	21	24	28	34	26	19	14	12	12	7

вере в православное учение и, наконец, к претворению этой веры в поступки, в религиозное поведение. Следующей ступенью нашего анализа должно быть «обратное» влияние религии на не религиозную сферу — психологию верующих, их отношение к моральным вопро-сам, к политике.

Но здесь мы сталкиваемся с одной проблемой. Если группы ве-рующих резко отличаются от всего массива опрошенных по соци-

альным и демографическим параметрам, отличие их взглядов на не собственно религиозные вопросы может быть связано с этими социально-демографическими факторами, а не с верой. Поэтому прежде чем попытаться понять влияние религии, мы должны выяснить особенности социально-демографического состава групп верующих и традиционных верующих.

14. Социально-демографические и психологические характеристики верующих и традиционных верующих

Начнем с гендерного состава. На табл. 40 показан удельный вес мужчин и женщин в мировоззренческих группах в 1991—2005 гг.

Табл. 40. Гендерный состав мировоззренческих групп, 1991—2005 гг.

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
1991	мужчины	43	14	25	34	48	56
	женщины	57	86	75	66	52	44
1993	мужчины	39	10	23	37	56	56
	женщины	61	90	77	63	44	44
1996	мужчины	47	22	31	44	66	71
	женщины	53	78	69	56	34	29
1999	мужчины	44	19	32	41	62	79
	женщины	56	81	68	59	38	21
2002	мужчины	44	—	30	46	64	76
	женщины	56	—	70	54	36	24
2005	мужчины	46	18	35	51	65	70
	женщины	54	82	65	49	35	30

Мы видим, что традиционные верующие — группа с громадным преобладанием женщин и атеисты — группа с преобладанием мужчин. Во всех наших опросах удельный вес мужчин увеличивался от самой религиозной группы — традиционных верующих — до самой нерелигиозной — атеистов. При этом с годами удельный вес мужчин в группе традиционных верующих растет, но очень слабо (меньше, чем в группе верующих в целом), а атеисты, наоборот, стали к 2005 г. более «мужской» группой, чем в 1991 г.

Также четко отличаются группы по возрастной структуре. См. табл. 41.

Табл. 41. Возрастная структура мировоззренческих групп. 1991—2005 гг.

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
1991	До 30 лет	23	4	15	18	33	23
	От 30 до 60 лет	58	35	50	69	61	65
	Старше 60 лет	19	61	35	13	6	12
1993	До 30 лет	20	12	14	26	21	17
	От 30 до 60 лет	58	38	52	62	64	51
	Старше 60 лет	22	50	34	12	15	32
1996	До 30 лет	19	9	18	20	20	16
	От 30 до 60 лет	60	48	50	66	66	58
	Старше 60 лет	21	53	32	14	14	26
1999	До 30 лет	21	6	18	23	23	16
	От 30 до 60 лет	57	41	53	58	59	64
	Старше 60 лет	22	53	29	18	19	20
2002	До 30 лет	21	—	21	22	21	23
	От 30 до 60 лет	56	—	50	68	64	52
	Старше 60 лет	23	—	29	10	15	25
2005	До 30 лет	23	10	20	29	23	28
	От 30 до 60 лет	55	43	51	56	58	48
	Старше 60 лет	22	47	29	15	19	24

Традиционные верующие, как мы видим, не только «очень женская» группа, но и очень «старая». Верующие в целом — старше, чем все опрошенные, но в среднем моложе, чем традиционные верующие. Однако такого «правильного» перехода от наиболее к наименее религиозной группе, который мы могли видеть на таблице, показывающей гендерный состав, здесь нет. Атеисты — не самая молодая группа, и с 1991 г., когда произошел массовый «уход из атеистов», они заметно «постарели». Наиболее молодая группа — «колеблющихся».

Третья важная социальная характеристика — образование. См. табл. 42.

Традиционные верующие во всех опросах — наименее образованная группа, верующие в целом — несколько менее образованны, чем все опрошенные, и наиболее образованные — атеисты.

Табл. 42. Образовательный уровень мировоззренческих групп, 1991—2005 гг.

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Лица с высшим образованием	1991	21	5	11	19	24	23
	1993	22	14	19	21	25	31
	1996	22	14	18	24	19	32
	1999	19	13	16	20	20	30
	2002	17	—	15	20	16	24
	2005	19	11	19	20	15	36
Лица с образованием ниже средней школы	1991	21	63	40	17	9	17
	1993	20	45	32	17	15	11
	1996	19	48	31	14	14	7
	1999	22	—	37	17	17	11
	2002	18	—	23	16	16	13
	2005	17	33	19	13	21	10

Остальные характеристики легко «выводятся» из этих трех. Откуда происходят и где живут старые необразованные женщины? Естественно предположить, что среди них много — деревенских женщин, перебравшихся в города при советской власти или даже так и не перебравшихся и оставшихся в деревне.

Так и есть. Табл. 43 показывает нам, что среди традиционных верующих — значительно больше, а среди всех верующих — несколько больше, чем среди всех опрошенных, лиц деревенского происхождения.

Табл. 43. Удельный вес живущих в деревне и людей деревенского происхождения

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Жили в деревне до 16 лет	1991	36	54	43	37	31	33
	1993	38	44	44	32	36	48
	1999	35	—	41	35	36	23
	1996	36	53	44	33	33	35
	2002	34	—	37	30	39	30
	2005	32	50	36	27	35	24
Живут в деревне	2002	36	—	35	30	49	33
	2005	25	31	26	24	34	15

В значительной мере их религиозность — действительно традиционная, уходящая корнями в мир старой русской деревни. Во всяком случае на вопрос, «разделяют (разделяли ли Ваши родители Ваши религиозные взгляды)», который мы задавали в 1991—1996 гг. традиционные верующие отвечали «да» значительно чаще, чем остальные респонденты, они значительно чаще определяют своих мать и отца как верующих и чаще говорят, что они были воспитаны религиозно. См. табл. 44.

Табл. 44. Традиционность религиозности

		Все опрошенные	Верующие	Традиционные верующие
Разделяют ли (разделяли) Ваши родители Ваши религиозные взгляды (ответ «да»)	1991	49	69	88
	1993	63	70	76
	1996	61	74	82
Мать — верующая	1996	49	79	87
	2005	60	70	89
Отец — верующий	1996	23	45	62
	2005	32	40	60
Получили религиозное воспитание	1991	18	51	77
	2005	25	37	63

Очень естественно предположить, что традиционные верующие — в основе своей старые и необразованные женщины, — бедны. И опять-таки, данные опросов это полностью подтверждают. См. табл. 45.

Табл. 45. Семейный доход мировоззренческих групп, 1991—2005 гг.

	Принадлежат по семейному доходу	Традиционные верующие	Верующие	Колесблюшнсея	Неверующие	Атеисты
1991	к верхнему дециму	4	6	9	14	13
	к нижнему дециму	26	17	13	17	9
1993	к верхнему дециму	3	11	13	17	11
	к нижнему дециму	31	18	8	4	10
1996	Семейный доход до 300 р.	25	19	10	8	8
	Семейный доход выше 1200	29	35	45	52	46
1999	к верхнему дециму	—	11	11	9	10
	к нижнему дециму	—	14	8	9	3
2002	к верхнему дециму	—	13	10	3	12
	к нижнему дециму	—	13	11	6	12
2005	к верхнему дециму	5	10	11	13	8
	к нижнему дециму	23	12	6	12	10

Мы видим, что к верхнему дециму по доходам принадлежит ничтожное число традиционных верующих, и наоборот, удельный вес традиционных верующих, принадлежащих к нижнему дециму — значительно больше, чем среди всех опрошенных. У верующих в целом — та же картина, но «смягченная».

Схожую картину мы получаем, если просим респондентов оценить самих свое материальное положение по сравнению со средним по России и его динамику. См. табл. 46.

Табл. 46. Самооценка материального положения, 1996—2005 гг.

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Материальное положение в сравнении со средним по России хуже и значительно хуже	1996	44	51	50	41	43	42
	1999	37	—	42	38	38	36
	2002	48	—	45	48	55	47
	2005	41	47	43	40	43	33
Материальное положение в сравнении с 5 годами раньше хуже и значительно хуже	1996	49	60	51	49	48	51
	1999	52	—	56	54	53	49
	2002	38	—	49	42	39	35
	2005	27	30	29	26	26	21

Естественно также, что среди верующих — очень много пенсионеров. См. табл. 47.

Табл. 47. Удельный вес пенсионеров в мировоззренческих группах, 1991—2005 гг.

	Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
1991	19	59	36	16	3	12
1993	23	51	38	15	15	30
1996	23	42	36	17	17	22
2002	26	—	33	23	19	22
2005	28	49	33	21	24	21

Чем больше в группе старых женщин, тем больше в ней должно быть одиноких — родители у этих женщин давно умерли, мужья тоже вполне могли умереть — женщины живут в России значительно дольше мужчин, дети — уже взрослые и живут отдельно. Именно эту картину мы видим на табл. 48.

Таблица 48. Семейное положение представителей разных мировоззренческих групп, 1991—2005 гг.

		Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Родители умерли	1991	19	43	30	17	9	14
	1993	19	36	27	12	18	25
	1996	23	44	29	20	17	24
	1999	22	—	25	19	18	20
	2002	18	—	20	29	13	15
	2005	20	41	25	17	16	12
Вдовы	2002	16	—	21	14	8	13
	2005	16	35	20	12	11	8
Без детей или живут отдельно от детей	1991	26	52	36	23	14	22
	1993	30	52	40	24	27	34
	1996	45	54	49	39	44	57
	1999	33	—	37	27	33	48
	2002	37	—	39	40	33	31
	2005	39	59	41	33	45	36
Живут одни	1991	10	36	17	9	7	6
	1993	13	39	20	10	9	13
	1996	15	28	20	10	11	19
	1999	17	—	21	14	15	15
	2002	20	—	22	19	18	17
	2005	19	34	22	15	23	12

В 1991 и 1993 гг. мы задавали вопрос о здоровье. Как и следовало ожидать, здоровье верующих — резко хуже здоровья «среднего россиянина». См. табл. 49.

Табл. 49. Удельный вес лиц, оценивающих свое здоровье как «плохое» и «очень плохое», 1991 и 1993 гг.

	Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты
1991	17	41	29	16	8	14
1993	23	41	34	17	17	27

Психология людей зависит от их объективного положения. Как должна чувствовать себя старая, не образованная, бедная женщина, тем более, если она одинока и здоровье у нее плохое?

Она должна чувствовать себя несчастной. Эту картину «несчастья» традиционных верующих мы видим на табл. 50.

Табл. 50. Психологические черты мировоззренческих групп, 1991—2005 гг.

		Все опро- шенные	Традицион- ные верующие	Верую- щие	Колес- лющиеся	Неверу- ющие	Ате- исты
Крайняя степень недовольства материальным положением	1991	12	14	15	12	17	11
	1993	17	22	19	16	19	11
	1996	23	32	25	21	26	22
	1999	26	—	32	24	27	25
	2002	18	—	16	16	26	14
	2005	16	20	16	17	20	10
Крайняя степень недовольства жизнью (по 10-балльной шкале)	1991	8	14	10	5	10	8
	1993	6	19	14	9	10	15
	1996	13	22	15	11	13	10
	1999	14	—	18	13	16	14
	2002	9	—	8	9	14	5
	2005	6	12	7	6	8	2
Уверенны, что через 10 лет будут крайне недовольны жизнью (по 10-балльной шкале)	1991	5	11	6	4	6	5
	1993	8	15	10	8	7	15
	1996	6	11	6	5	5	7
	1999	8	—	8	10	9	11
	2002	5	—	6	4	6	5
	2005	3	8	4	2	3	3
Несчастны и очень несчастны	1991	43	63	48	43	41	42
	1993	46	56	49	46	45	46
	1996	44	52	48	44	41	32
	1999	44	—	48	50	49	53
	2002	38	—	36	44	38	27
	2005	35	42	37	32	38	32
Испытывают чувство беспокойства	1991	32	32	36	36	31	27
	1993	26	33	28	26	24	17
.... гордости	1991	21	18	20	23	15	21
	1993	23	18	20	28	21	28
.... одиночества	1991	24	50	30	25	24	20
	1993	23	39	30	25	17	17
.... скуки	1991	35	55	43	34	31	32
	1993	31	46	34	32	29	24
.... подавленности	1991	27	50	33	28	25	24
	1993	28	46	35	28	19	25
Часто думают о смерти	1991	18	50	33	—	—	—
	2005	21	50	28	—	—	—

15. Изменение социально-демографической структуры групп верующих и традиционных верующих

Мы говорили о социально-демографической структуре и психологии мировоззренческих групп, обращая внимание прежде всего на группу традиционных верующих, обладающую очень яркими характеристиками. За 14 лет, в течение которых мы проводили наши опросы, эти характеристики изменились, но очень незначительно. Традиционные верующие так и остались группой с доминированием старых, бедных, необразованных и несчастных женщин.

Значительно большие изменения произошли в более широкой группе всех верующих. Эта группа с самого начала, с 1991 г., была ближе по своей структуре к структуре населения в целом. И с годами эта близость стала больше. Если в 1991 г. среди всех верующих было только 25 % мужчин, то в 2005 — 35 %. Лиц до 30 лет стало практически столько же, сколько во всем массиве опрошенных. (21 % в группе верующих и 21 % в населении в 2002 г. и 20 % и 23 % в 2005 г.). В 2005 г. среди верующих было столько же лиц с высшим образованием, сколько среди всех опрошенных — 19 %. Принадлежащих по доходам к верхнему дециму в 2002 г. было 13 %, а в 2005 г. — 10 %. Соответственно меняется и психология группы верующих. Недовольных материальным положением и недовольных жизнью сейчас в ней — примерно столько же, сколько среди всех опрошенных.

Эти изменения прямо связаны со значительным ростом этой группы. Группа традиционных верующих выросла очень мало и, очевидно, ее пополнение происходит в основном за счет того же социального типа, старых женщин, вышедших на пенсию. Но в большую группу верующих пришло много совершенно других людей — не старых, образованных и не бедных мужчин, приток которых изменил облик этой группы.

Мы можем зрительно представить себе эти перемены. Представим себе прихожан в церкви в 1991 г. в непраздничный день. Мы почти не видели бы в их толпе мужских лиц: 86 человек из 100 — женщины. В толпе практически нет и юных лиц. До 30 лет — только 4 человека из 100, а 61 % — старше 60 лет. Таким образом, мы видим полное доминирование пожилых женщин, это — «клуб старушек», причем старушек определенного социального и социально-психологического типа. Видно, что эти старушки — бедные (26 % принадлежат к низшему дециму по доходам) и не интеллигентные (63 % с образованием ниже средней школы). 59 % — пенсионерки.

Если поговорить с ними и расспросить их о жизни, мы узнаем много того, о чем можно было предположить уже по их облику. Очень

многие из них — одинокие (36 % живут одни). Дети — взрослые и живут отдельно, а старушка доживает свой век одна и реже — со своим стариком. Чаще всего старик уже давно умер.

Старушка, наверняка, ощущает себя несчастной и, вероятно, пожаловалась бы нам на здоровье, на одиночество, на чувство подавленности и скуки. Она, возможно, сказала бы, что часто думает о приближающейся смерти. Религия для нее — очень важна¹. Она приносит ей утешение², дает ей спокойнее отнестись к перспективе смерти³, возвращает ее к миру ее деревенского детства, церковь дает возможность общаться с другими такими же старушками и как-то участвовать в жизни⁴.

Перемены, происходящие в обществе в 1991 г., скорее пугают, чем радуют старушку⁵. Ее, конечно, могло бы теоретически радовать изменение отношения к религии в обществе. Но прямо ее это не затрагивает — разрушение церковей осталось в далеком прошлом, и в последние десятилетия никто ей ходить в церковь не мешал. А предстоящие революционные социально-экономические перемены не принесут ей ничего хорошего, так что, когда она не ожидает впереди никакого улучшения своего положения, она совершенно права.

Образ нашей старушки — примерно тот же образ, который создавали опросы и исследования, сделанные советскими «научными атеистами», подчеркивавшими «компенсаторную функцию религии».

В большие праздники в 1991 г. толпа становится больше, и ее облик несколько меняется. Преобладают все равно женщины, но мужчины уже более заметны, их — 25 человек из 100. Встречаются молодые (15 % — до 30 лет) и интеллигентные (11 % с высшим образо-

¹ В 1991 г. религия была «очень важна» для 11 % опрошенных и 57 % традиционных верующих, Бог по десятибалльной шкале очень важен для 9 % опрошенных и для 66 % традиционных верующих

² В 1993 г. 36 % опрошенных и 96 % традиционных верующих и в 1996 г. 32 % и 97 % ответили «да» на вопрос, приносит ли религия мир их душе. (В 1991 г. и после 1996 г. этот вопрос не задавался.)

³ В 1991 г. 18 % всех опрошенных и 68 % традиционных верующих согласились с утверждением: «Смерть приобретает смысл, лишь если веришь в Бога», 15 % опрошенных и 68 % — с утверждением: «Горе и страдания имеют смысл лишь тогда, когда веришь в Бога».

⁴ Создается впечатление, что при всей своей одинокости и несчастьи наша старушка любит поучать других. В 1993 г. в нашем опросе было утверждение: «Я часто даю советы другим». С такой характеристикой согласились 19 % опрошенных и 29 % традиционных верующих.

⁵ С утверждением, «когда в жизни происходят большие перемены, надо быть очень осторожным» полностью согласились (по 10-балльной шкале) 12 % всех опрошенных и 16 % традиционных верующих, с противоположным утверждением, «надо действовать решительно» — 9 % и 2 %. С утверждением, «когда в моей жизни происходят изменения, я испытываю тревогу», согласились 14 % опрошенных и 18 % традиционных верующих.

ванием) и даже хорошо одетые люди (6 % принадлежит к верхнему дециму по доходам). Это — уже признаки нового (мы — в 1991 г.), вряд ли такие люди решились быть на празднике в церкви в 60-е — 70-е гг.

Проходит 14 лет, и к 2005 году общее количество прихожан в будничный день стало чуть больше (в 1991 г. не реже раза в месяц в церкви было 6 %, в 2005 г. — 11 %)¹, и их облик изменился. Но изменился он очень немного. Большинство старушек 1981 г. уже умерли, но общество все время воспроизводит этот социальный тип — оставшаяся одна, вышедшая на пенсию (даже в 2005 г. половина постоянных прихожан — пенсионеры) старая женщина начинает ходить в церковь, тем более, что теперь, с открытием множества новых церквей, это стало значительно проще. Женщин все равно — преобладающее большинство, хотя мужчин стало чуть-чуть больше (в 1991 г. — 14 на 100, в 2005 г. — 18 на 100). Молодых лиц в ней тоже стало чуть больше (до 30 лет было 4 %, стало 10 %), старых — чуть меньше (старше 60 лет было 61 %, стало — 47 %). В толпе стало немного больше интеллигентных (было 5 % с высшим образованием, стало — 11 %) лиц, и она стала чуть лучше одета (к высшему дециму принадлежали 4 %, теперь — 5 %, к низшему принадлежали 26 %, теперь — 23 %).

Но на большие праздники, когда по телевидению показывают службу в Елоховском соборе, где присутствуют президент и вся правящая верхушка России, картина меняется значительно. В это время социальный состав толпы в церкви начинает приближаться к социальному составу населения в целом, ибо в церкви устремляются богатые, образованные мужчины средних лет со своими женами. Это — люди с совсем иной психологией, не несчастные и думающие не столько о смерти, сколько о жизни и своем успехе в ней.

Социальный состав верующих отражает социальное положение религии. В атеистическом советском обществе в массовом масштабе быть религиозными могли только люди, которым уже не надо, или они уже не могут работать и, во всяком случае, делать карьеру, которые — маргинальны в обществе, в какой-то мере уже — вне его. Энергичные молодые мужчины, стремящиеся к деньгам и карьере, верующими быть не могли. В социально-демографическом плане верующий был антиподом коммунисту-атеисту, что можно наглядно увидеть на табл. 51.

Советских времен, однако, ситуация изменилась почти на противоположную («маятник» сделал ход). Религиозность не стала необходимым условием карьеры (еще не стала?), но из признака социальной маргинальности превратилась в признак социальной респектабель-

¹ Но при громадном числе вновь открытых церквей в каждой отдельной церкви прихожан должно быть меньше.

Табл. 51. Сравнение социально-демографического состава групп коммунистов и традиционных верующих в 1991 г.*

		Традиционные верующие	Коммунисты
Образование	7 классов и ниже	52	5
	Высшее	5	52
Мужчины		14	63
Руководители организаций		0	14
Руководители среднего звена		5	40
Рабочие		47	22
Интеллектуальные профессии		0	14
Принадлежат к верхним 10% по доходам		0,4	19
Принадлежат к низшим 10% по доходам		27	5

Мы сознательно противопоставили традиционных верующих не атеистам, а именно коммунистам. Группа атеистов в 1991 г., когда массовая, «обвальная» перемена самоидентификаций еще только начиналась и сохранялся старый конформистский атеизм, была менее элитарной, чем группа коммунистов.

Дальнейшая судьба этой группы — очень интересна. Мы уже видели, что в период 1991—1996 гг. она стремительно уменьшается и затем стабилизируется на уровне 5—6% населения. Кто эти люди, сохранившие верность если не старой идеологии в целом, то одному из ее важнейших аспектов?

Это, как мы видели (см. табл. 39—44), — очень «мужская» группа, наиболее образованная из мировоззренческих групп, не самая бедная и не самая молодая. Скорее всего, к ней принадлежат многие представители интеллигенции, сохранившие рационалистическое мировоззрение большинства интеллигенции советской эпохи. Очевидно, ярким представителем этой группы является академик В. Гинзбург.

ности. Пример Путина, энергичного, не старого и «современного» президента, верующего и со всей серьезностью относящегося к религиозной обрядности, не может не оказывать колоссального воздействия на людей, стремящихся преуспеть в обществе. Социальный состав группы верующих меняется.

16. Религия и мораль

До сих пор мы рассматривали факторы, воздействующие на отношение к религии и религиозность, и собственно уровень религиозности российского населения. Но изменение религиозности, несомненно, не только следствие социально-политических процессов, но и фактор, сам влияющий на эти процессы. Когда человек становится верующим, меняется не только его отношение к религии. В какой-то мере меняется (или должно меняться) его поведение — он начинает ходить в церковь, соблюдать пост и т.д. Должно меняться и его отношение к миру, к не собственно религиозным сферам жизни.

Вопрос о влиянии религии на мораль — вопрос колоссальной сложности. Прежде всего — в разных культурах и религиях в разное время моральное и аморальное поведение оцениваются по-разному. Если убийство и причинение другим страдания, воровство, обман в той или иной мере и с теми или иными оговорками осуждаются всеми религиями и во всех культурах, то разброс, например, оценок разных форм сексуального поведения — громаден. То, что для одних — извинительный проступок или даже норма, то для других — абсолютно аморальный акт.

Возьмем далеко не самый яркий, но наиболее близкий нам пример различия моральных оценок в разных культурах. Моральные оценки в России в значительной мере отличается от моральных оценок в Финляндии. Это отчасти видно на табл. 52.

Таблица 52. Приемлемость разных поступков. Доля русских, финнов и европейцев в целом, которые никогда не одобрили бы данный поступок (процент выбравших оценку 1 — «никогда не приемлемо» по шкале от 1 до 10)

	Россия (2005)	Финляндия (2000)	Европа (2000)
Употребление наркотиков	75	76	75
Угон чужой машины для увеселительной прогулки	75	81	84
Вождение автомобиля в состоянии опьянения	70	81	—
Гомосексуализм	62	28	40
Проституция	61	44	—
Получение взятки должностным лицом	57	80	70
Самоубийство	57	40	57
Половые отношения до достижения совершеннолетия	39	37	—
Получение от государства льгот, на которые у Вас нет прав	36	49	58
Соккрытие доходов, чтобы не платить налоги	30	53	53
Эвтаназия	28	17	29
Безбилетный проезд	27	50	—
Ложь в личных интересах	27	37	44
Внебрачная половая связь	26	50	53
Аборт	22	11	27
Развод	11	3	15

Мы видим довольно большие различия¹. Россияне «строже» («консервативнее?») в вопросах сексуальной этики, особенно — в вопросе об отношении к гомосексуализму. Финны — строже в «со-

¹ Причины этих различий не могут здесь рассматриваться. Отчасти, конечно, это — различия морали протестантской страны от морали страны православной.

циальной» этике, этике отношений с государством и договорных отношений¹.

Мы не собираемся обсуждать, насколько действительно приемлем или не приемлем тот или иной поступок, и какая мораль — лучше. Наша цель — попытаться выяснить влияние религиозности в России на мораль, то есть, как моральные оценки меняются в зависимости от того, религиозен человек или нет.

Различия отношения к разным моральным вопросам российских верующих, и особенно — традиционных верующих от опрошенных в целом — очевидны. См. табл. 53.

Таблица 53. Приемлемость разных поступков для всех опрошенных и для верующих (процент выбравших оценку 1 — «никогда не приемлемо» по шкале от 1 до 10), 2005 г.

	Все опрошенные	Традиционные верующие	Верующие
Употребление наркотиков	75	83	78
Угон чужой машины для увеселительной прогулки	75	78	75
Вождение автомобиля в состоянии опьянения	70	79	74
Гомосексуализм	62	76	65
Проституция	61	79	66
Получение взятки должностным лицом	57	69	60
Самоубийство	57	77	63
Половые отношения до достижения совершеннолетия	39	55	50

¹ Разницу в оценке степени приемлемости того или иного поступка нельзя смешивать с распространенностью этих поступков в обществе. Распространенность их, конечно, зависит от оценки, но не только от нее, а и от организации и состояния общества. Ясно, например, что в ситуации обнищания и голода даже в обществе, строго осуждающем воровство, число случаев воровства будет расти, а распространение гомосексуализма в тюрьмах связано отнюдь не с особенностями сексуальной этики сидящих в них людей. Русские несколько мягче, чем финны, относятся к взятке, и это, несомненно, влияет на поведение людей. Но различия — не так велики, как различия в реальном поведении чиновников в Финляндии, которая в 2004 г. была признана самой некорруптированной страной мира, и России, одной из самых коррумпированных стран. Дело не только в различиях в оценках, но и в различиях в социальной организации обществ.

Другой пример — отношение к аборт и число аборт. Отношение русских к аборт — «строже», чем у финнов. Но в Финляндии на 1000 рожденных детей в 2001 г. приходилось 20 аборт, а в России — 163.

У нас нет данных о распространенности гомосексуализма, но совершенно очевидно, что разительные различия в отношении к нему русских и финнов отнюдь не связаны с большей распространенностью гомосексуализма в Финляндии, чем в России.

Получение от государства льгот, на которые у Вас нет прав	36	53	44
Соккрытие доходов, чтобы не платить налоги	30	42	39
Эвтаназия	28	39	33
Безбилетный проезд	27	37	30
Ложь в личных интересах.	27	27	29
Внебрачная половая связь	26	35	30
Аборт	22	36	31
Развод	11	21	22

Оценки всех без исключения перечисленных поступков у верующих — «строже», чем у всех опрошенных, а у традиционных верующих — строже, чем у верующих в целом¹. Вывод о том, что религия влияет на мораль в сторону большего ужесточения моральных оценок разных поступков, напрашивается сам собой.

Однако здесь мы сталкиваемся с одним противоречием. То, что исследуемое нами 14-летие — годы неуклонного роста всех показателей религиозности (хотя и в разной степени по отношению к разным показателям), — очевидно, и уже показано нами. Удельный вес верующих в населении вырос за это время значительно, и даже несколько вырос удельный вес традиционных верующих. Между тем, если мы посмотрим, как менялись оценки на протяжении этого времени, мы увидим неожиданную картину. См. табл. 54.

Мы видим, что на протяжении этого периода оценки всех перечисленных поступков значительно смягчились. Как это можно объяснить? Если религия «ужесточает» оценки, то почему параллельно росту религиозности они смягчались?

Дело в специфике социально — демографического состава групп верующих. Моральные оценки зависят от множества факторов и религиозная группа, состоящая в основном из бедных и не образованных старых

¹ Вопросы, касающихся моральных проблем, особенно в сфере семейной и сексуальной морали, в наших опросах было очень много. Ответы на них заслуживают специального исследования, и в данном контексте анализировать их мы посчитали излишним. Но на все эти вопросы верующие и особенно традиционные верующие отвечают с позиций более «жесткой» морали. Приведем здесь лишь еще один, достаточно выразительный пример.

Вопрос звучал так: «Если бы кто-нибудь сказал, что люди должны иметь возможность наслаждаться полной сексуальной свободой безо всяких ограничений, Вы бы скорее согласились или не согласились с этим?». «Скорее согласились бы» в 1991 г. — 14 % опрошенных, 9 % традиционных верующих и 12 % всех верующих, в 1993 г. — 19 %, 10 % и 15 %, в 1996 г. — 16 %, 7 % и 12 %, в 1999 г. — 14 % и 10 % верующих, в 2002 г. — 13 % и 20 %. «Скорее не согласились бы» в 1991 г. — 60 %, 68 % и 61 %, 1993 г. — 54 %, 65 % и 60 %, 1996 г. — 52 %, 69 % и 59 %, 1999 г. — 59 % и 60 % верующих, в 2002 г. — 47 % и 31 %.

Таблица 54. Изменение оценок различных поступков, 1991—2005 гг.

	1991	1993	1996	1999	2002	2005
Употребление наркотиков	91	90	84	88	85	75
Угон чужой машины для увеселительной прогулки	91	91	84	89	84	75
Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения	81	81	72	79	76	70
Гомосексуализм	83	81	72	68	65	62
Проституция	74	77	63	64	61	61
Получение взятки	83	74	66	69	63	57
Самоубийство	61	56	53	58	56	57
Покупка краденой вещи	77	62	57	59	53	47
Половые отношения до достижения совершеннолетия	58	58	45	45	42	39
Получение от государства льгот, на которые у Вас нет прав	59	52	47	48	38	36
Уклонение от налогов	48	42	31	35	31	30
Эвтаназия	43	35	—	—	—	28
Безбилетный проезд	50	37	23	26	25	27
Обман ради собственной выгоды	46	34	32	29	25	27
Внебрачная половая связь	46	37	36	34	28	26
Сопrotивление милиции	33	39	31	25	22	20
Аборт	18	14	12	11	14	22
Развод	15	12	8	5	8	11

женщин, отличается по своим моральным оценкам от массы опрошенных отнюдь не только потому, что она — религиозная. И при составлении регрессий выясняется, что из трех факторов — религиозности (самоопределение как верующего), пола и возраста, фактор религиозности на моральные оценки почти никакого влияния не оказывает (см. табл. 55).

Некоторое, и незначительное, влияние религиозность (принадлежность к группе «верующих») оказывает лишь на отношение к самоубийству и к некоторым вопросам семейной и половой этики¹.

Самым главным фактором, влияющим на моральные суждения,

¹ Религиозность также выступает как значимый независимый фактор в таких вопросах, как — несогласие с утверждением: «Брак — устаревший институт» (зависимость ответов от религиозности — $B = -$, 313; Std. Error — , -, 096; Beta — -, 083; Sig. — , 000) и ряд вопросов, конкретизирующих отношение к абортam (согласие с тем, что аборт недопустим, если беременность угрожает здоровью матери, если есть опасность рождения ребенка с физическими дефектами, если женщина — не замужем и если супруги не хотят иметь больше детей).

Характерно также, что если в самом отношении к гомосексуализму влияние собственно религиозного фактора не прослеживается, оно отчетливо выступает в том, что верующие более склонны запретить гомосексуалистам преподавать в университетах ($B = -$, 107; Std. Error — , -, 027; Beta — -, 112; Sig. — , 000) и изъять из публичных библиотек книги, защищающие легализацию однополых браков ($B = -$, 070; Std. Error — , -, 024; Beta — -, 078; Sig. — , 004).

Табл. 55. Влияние факторов религиозности (принадлежности к группе верующих), пола и возраста на моральные оценки, 2005

	Религиозность					Пол					Возраст				
	B	Std. Error	Beta	t	Sig.	B	Std. Error	Beta	t	Sig.	B	Std. Error	Beta	t	Sig.
Употребление наркотиков	-,166	-,081	-,052	-2,057	,040	-,327	,081	-,101	-4,035	,000	-,014	,002	-,154	-6,236	,000
Угон чужой машины для умышленной прогулки	-,030	-,075	,010	,403	,687	-,160	,075	-,055	-2,144	,032	-,009	,002	-,106	-4,244	,000
Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения	-,160	-,076	-,053	2,106	,035	-,259	,076	-,086	3,413	,001	-,011	,002	-,129	5,195	,000
Гомосексуализм	-,088	-,104	-,022	-,848	,396	,050	,104	,012	,486	,627	-,027	,003	-,234	-9,370	,000
Проституция	-,157	,100	-,039	-1,571	,116	-,301	,100	-,075	-2,996	,003	-,026	,003	-,229	-9,334	,000
Получение взятки	-,036	,100	-,009	-,361	,718	-,275	,100	-,070	-2,750	,006	-,020	,003	-,184	-7,370	,000
Самоубийство	-,322	,105	-,079	-3,079	,002	-,126	,105	-,031	-1,201	,230	-,014	,003	-,121	-4,768	,000
Покупка краденого	-,115	,113	-,026	-1,011	,312	-,358	,144	-,080	3,150	,002	-,020	,003	-,158	-6,338	,000
Секс в несовершеннолетнем возрасте	-,270	,123	-,054	-2,189	,029	-,307	,123	-,061	-2,485	,013	-,046	,003	-,326	-13,550	,000
Получение необоснованных льгот	-,154	,135	-,030	-,141	,254	-,166	,135	-,032	1,220	,220	-,015	,004	-,104	-4,027	,000
Уклонение от налогов	-,043	,139	-,008	-,307	,759	-,382	,139	-,069	-2,748	,006	0,41	,004	,262	10,627	,000
Эвтаназия	-,286	,177	-,044	1,619	,106	-,491	,176	-,075	-4,722	,005	-,023	,005	-,125	-4,722	,000
Безбилетный проезд	-,041	,143	-,007	-,290	,772	-,276	,144	-,050	-1,919	,055	-,014	,004	-,091	-3,952	,000
Обман ради собственной выгоды	-,146	,125	-,030	-1,167	,243	-,339	,125	-,069	-2,714	,007	-,028	,003	-,201	-8,067	,000
Внебрачная половая связь	-,428	,135	-,079	-3,180	,001	-,421	,135	-,077	-3,120	,002	-,039	,004	-,253	-10,350	,000
Сопровождение милиции	-,031	,131	-,006	-,233	,816	-,372	,131	-,074	-2,831	,005	-,018	,004	-,127	-4,938	,000
Аборт	-,312	,136	-,059	-2,289	,022	,131	,136	,025	,959	,338	-,018	,004	-,123	-4,847	,000
Развод	-,302	,134	-,058	-2,258	,024	,011	,134	,002	,080	,936	-,017	,004	-,114	-4,543	,000

оказывается возраст. «Строгая мораль» — это прежде всего «старая мораль» и мораль старых людей¹.

Изменение отношения к различным поступкам — процесс, зависящий как от общекультурных факторов (мораль «смягчается» не только в России, но и в других странах²), так, очевидно, и от специфически российских факторов³, но рост религиозности на него практически не влияет — не ускоряет и не сдерживает. Верующие «включены» в него также, как и не верующие. Это можно наглядно увидеть на табл. 56, где показано различие оценок всех респондентов, традиционных верующих и верующих в 1991 и 2005 гг.

Громадная масса новых верующих не меняет с изменением своего отношения к религии и своей самоидентификации моральных оценок (они меняются, но отнюдь не под влиянием их новых самоидентификаций), и рост религиозности практически не влияет на моральную эволюцию российского общества⁴. Мы можем констатировать парадоксальное явление — «секуляризацию» морали, идущую параллельно росту религиозности.

¹ В какой мере эта «старая мораль» — действительно старая, доминировавшая в ушедшую советскую эпоху, и в какой это просто — мораль старых людей, где здесь — фактор возраста, и где — поколения, определить очень трудно. Ясно, например, что человек, у которого меньше искушений нарушить нормы половой этики, склонен строже относиться к таким нарушениям вне зависимости от того, когда он родился. (Этот вопрос аналогичен вопросу о роли возраста в религиозности. Среди традиционных верующих старых больше потому, что это — люди прошлой, более религиозной эпохи, или потому, что со старостью и приближением смерти человек начинает думать о Боге?) Последовательное «смягчение» моральных суждений на протяжении изучаемого периода говорит о том, что главное все же — фактор эпохи, поколения. Тем не менее фактор возраста, несомненно, тоже значим.

² Например, в Финляндии удельный вес совершенно не допускающих уклонение от налогов упал с 1981 г. по 2000 г. с 66 % до 53 %, получение взятки — с 84 % до 80 %, гомосексуализм — с 56 % до 28 %, аборт — с 30 % до 11 %, развод — с 18 % до 3 %, самоубийство — с 60 % до 40 %. (Очень характерно, что перемены — очень велики в отношении к проблемам половой этики, но относительно невелики в отношении к проблемам социальной морали).

Мы здесь не можем впасть в вопрос о причинах этого сложного явления. Отметим лишь, что оно не означает «всеобщего падения нравов». Люди начинают менее «догматично» относиться к морали, лучше видят сложность моральных проблем и им все труднее ответить: «никогда», «ни в коем случае».

³ Общий для развитого мира процесс «дедогматизации», «смягчения» моральных оценок может в России накладываться на процесс другого рода, связанный с сугубо российскими постсоветскими факторами. Когда, например, налоговая система организована так, что не уклоняться от налогов — крайне сложно, уклонение от них, естественно, начинает расцениваться как поступок извинительный.

⁴ Характерно, что, как мы видели на табл. 11, удельный вес тех, кто считает, что церковь должна высказываться по таким вопросам, как аборт, внебрачные связи, эвтаназия и гомосексуализм, не только не растет, но даже уменьшается.

Табл. 56. Изменение оценок различных поступков всеми опрошенными, традиционными верующими и верующими, 1991 и 2005 гг.

	1991			2005		
	Все опрошенные	Традиционные верующие	Все верующие	Все опрошенные	Традиционные верующие	Все верующие
Употребление наркотиков	91	91	92	75	83	78
Угон автомобиля	91	93	89	75	78	75
Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения	81	89	84	70	79	74
Гомосексуализм	83	84	79	62	76	65
Проституция	74	91	81	61	79	66
Получение взятки	83	95	81	57	69	60
Самоубийство	61	75	65	57	77	63
Покупка краденого	77	91	77	47	55	50
Секс в несовершеннолетнем возрасте	58	82	69	39	53	44
Получение необоснованных льгот	59	73	61	36	42	39
Уклонение от налогов	48	66	44	30	39	33
Эвтаназия	43	61	51	28	37	30
Безбилетный проезд	50	63	52	27	27	29
Обман ради собственной выгоды	46	77	53	27	35	30
Внебрачная половая связь	46	77	55	26	36	31
Сопrotивление полицейским	33	70	41	20	21	22
Аборт	18	29	24	22	36	25
Развод	15	32	23	11	15	13

17. Религия и политика

Мы уже говорили, что в массе своей российское общество в 1991 г. не было расколото на какие-то четкие «партии». Но серия событий начала 90-х гг. — ГКЧП, Беловежские соглашения, запрет КПСС, затем — начавшаяся экономическая реформа, а также серия голосований, в том числе — дихотомических голосований на референдуме марта 1993 г. приводят к разделению общества на относительно жестко оформленные политические лагеря.

Это — лагерь сторонников победившей «партии» революционных преобразований и лагерь «коммуно-патриотической» оппозиции, борьба между которыми занимает почти все десятилетие 90-хх гг. В этот период мы можем говорить, что большинство верующих, и прежде всего — традиционных верующих, скорее сочувствует оппозиции. Это видно по многим данным наших опросов этого времени.

Так, с утверждением, что «распад СССР можно и нужно было предотвратить», в 1996 г. согласились 47 % опрошенных, 68 % традиционных верующих и 51 % всех верующих, в 1999 г. — 55 % опрошенных, 65 % традиционных верующих и 57 % верующих. С утверждением, что «распад СССР был неизбежен» в 1996 г. согласились 18 % опрошенных, 14 % традиционных верующих и 16 % верующих, в 1999 г. — 31 %, 25 % и 14 %. В 1996 г. считали, что «Россия всегда была великой державой. Так оно останется и в будущем. Россия должна играть такую же роль в мире, как и США», 58 % опрошенных, 65 % традиционных верующих и 60 % всех верующих. С утверждением: «Государства ближнего зарубежья и в будущем будут зависеть от России» согласились 39 % опрошенных, 43 % традиционных верующих и 38 % всех верующих.

С тем, что предприятиями должны управлять собственники, в 1999 г. безоговорочно согласились (выбор позиции по 10-балльной шкале) 13 % опрошенных, 11 % традиционных верующих и столько же всех верующих, с противоположным утверждением, что предприятиями должно управлять государство — 21 %, 24 % и 22 %. С тем, что конкуренция — это хорошо, в 1996 г. согласились 20 % опрошенных, 15 % традиционных верующих и 16 % верующих, в 1999 г. — 18 %, 15 % и 16 %.

С тем, что надо «как можно скорее вернуться к советским порядкам», в 1999 г. согласились 16 % всех опрошенных, 18 % верующих и 25 % традиционных верующих, с противоположным утверждением, что надо как можно скорее отойти от них — 8 %, 5 % и 2 %. С тем, что КПРФ — партия, лучше других выражающая их политические взгляды, согласились 15 % опрошенных, 17 % верующих и 18 % традиционных верующих. Собирались голосовать за КПРФ на ближайших выборах — 17 %, 19 % и 23 %.

Во всех опросах, где ставился выбор между свободой и равенством, верующие чаще, чем все опрошенные, отвергали свободу и выбирали равенство. См. табл. 57.

Мы приводим не все данные о политических ориентациях верующих, содержащиеся в наших опросах, ибо нам сейчас важно просто подтвердить тезис о скорее «коммуно-патриотической» ориентации верующих, особенно «традиционных».

Коммуно-патриотическая оппозиция выражала протест народных масс против политики властей, которые выдвигали лозунги демократии, но принимали наиболее важные решения в узком кругу, ставя общество перед свершившимися фактами, и постепенно переходили к строительству авторитарной системы власти. Но наличие в идеологии и психологии оппозиции мощного антидемократического компонента разоружало оппозицию перед властью, и тем более разоружала, чем жестче становилась сама власть, тем больше в обществе устанавливался тот «порядок», которого требовала оппозиция.

Табл. 57. Выбор между свободой и равенством

	Выбирают свободу		Выбирают равенство	
	Все опрошенные	Традиционные верующие	Все опрошенные	Традиционные верующие
1991	40	20	42	55
1993	45	24	37	51
1999	34	22	43	53
2002	29	27	39	40
2005	38	31	40	41

Даже в условиях острейшего недовольства и большой политизированности общества оппозиция не могла получить большинства на действительно важных дихотомических голосованиях референдумов 1993 г. и на выборах президента в 1996 г. Громадная масса людей, скорее сочувствующая оппозиции, тем не менее не решается голосовать против власти, она все равно предпочитает стабильность переменам. А с приходом к власти Путина и окончательным восстановлением «порядка» те же, кто в 90-е гг. поддерживают оппозицию, становятся массовой народной поддержкой власти.

Различия политических взглядов верующих и неверующих, несколько большая склонность верующих, особенно «традиционных», к антидемократическим и антизападническим позициям, сохраняется и сейчас. См. табл. 58.

Но если в 90-е гг. симпатии верующих — скорее на стороне оппозиции, то в следующем десятилетии они уже скорее на стороне власти. См. табл. 59.

Различия политических взглядов верующих и неверующих — достаточно очевидны. Но мы снова сталкиваемся с вопросом, аналогичным вопросу, возникшему у нас при анализе моральных суждений — какую роль при этом играет именно религиозный фактор?

При больших отличиях в социально-демографическом составе всей массы опрошенных и групп верующих, а особенно — традиционных верующих, особенности их политических взглядов могут быть никак не связаны с религиозностью. Ясно, что нищая старушка иначе относилась бы к капиталистическим реформам и демократии, чем молодой бизнесмен, даже если бы эта старушка была неверующей¹.

¹ В этом отношении очень интересно, что традиционные верующие в своих оценках очень часто отклоняются от всего массива опрошенных в том же направлении, что и атеисты. Например, в 1999 г. с тем, что развал СССР можно и нужно было предотвратить, согласились 55 % опрошенных, 65 % традиционных верующих и 60 % атеистов, что нужно вернуться к советским порядкам, в 1999 г. согласились — 16 %, 25 и 20 %, а в 2002 г. — 13 % опрошенных, 16 % верующих и 14 % атеистов. Атеисты и традиционные верующие, как было показано выше, резко отличаются друг от

Табл. 58. Отношение всех опрошены и верующих к демократии, 2005 г.

		Все опро- шенные	Верую- щие	Тради- ционные верующие
Беспорядок и беззаконие в России — следствие демократии	Совершенно согласны	20	20	24
	Согласны	29	30	26
	Не согласны	28	28	22
	Совершенно не согласны	9	8	12
От выборов и споров между партиями больше вреда, чем пользы	Совершенно согласны	33	35	38
	Согласны	43	44	37
	Не согласны	13	11	13
	Совершенно не согласны	3	2	2
Правительства западных стран стремятся к ослаблению и развалу России	Совершенно согласны	30	31	43
	Согласны	36	38	31
	Не согласны	17	14	9
	Совершенно не согласны	3	3	2
От попыток устроить жизнь в России по западному образцу — один вред	Совершенно согласны	18	20	28
	Согласны	34	36	32
	Не согласны	28	25	18
	Совершенно не согласны	5	4	4

Табл. 59. Доверие к президенту

		Полностью доверяют	Доверяют	Скорее не доверяют	Полностью не доверяют
2002	Все опрошенные	26	52	14	3
	Верующие	29	52	12	2
2005	Все опрошенные	27	49	15	5
	Верующие	30	48	15	5
	Традиционные верующие	41	37	14	3

Поэтому мы математически вычленили роль возрастного и гендерного факторов и роль собственно фактора религиозности в ответах на все вопросы опроса 2005 г., которые имеют хотя бы отдаленное отношение к политике.

Как и при анализе ответов на моральные вопросы, выяснилось, что главным фактором является возраст — большая склонность старых людей к антидемократическим и антирыночным позициям. Религиозность как таковая действует в том же направлении, что и возраст, но играет относительно небольшую роль. В табл. 60 мы объединяем все вопросы, имеющие отношение к политической сфере, в которых роль этого фактора — велика.

друга по социально-демографическому составу. Но в одном аспекте они — относительно близки. Атеисты — тоже очень не молодая группа. Частичное совпадение их взглядов со взглядами традиционных верующих может в значительной мере объясняться этим — обе эти группы связаны с прошлым. Но атеисты, маленькая и очень, как нам представляется, интересная группа требуют отдельного изучения.

Табл. 60. Ответы на политические вопросы, в которых определяющим фактором является религиозность

		Традиционные верующие	Верующие	Все опрошенные	Математическая зависимость от фактора религи- озности
1	2	3	4	5	6
Считаете ли Вы, что в шко- лах Основы православной веры надо преподавать	Всем обязатель- но	67	36	24	B — -,387; Std. Error — ,028, Beta — -,336; t — -13,886, Sig. — ,0000
	По желанию и выбору уча- щихся и их родителей	27	56	61	
	Не преподавать совсем	1	3	5	
РПЦ должна обладать при- вилегиями в России	Полностью согласен и скорее согла- сен	79	72	64	B — -,299; Std. Error — ,048, Beta — -,165; t — -6,285, Sig. — ,0000
	Не согласен и скорее не согласен	16	21	12	
Представьте себе, что кто-то заявляет, что он противник лю- бой религии и церкви. Нужно ли разрешить или запретить ему публично высказывать эти взгляды на собраниях митингах	Разрешить	14	18	19	B — -,197; Std. Error — ,028, Beta — -,198; t — 7,148, Sig. — ,0000
	Запретить	78	71	66	
А если такой противник религии преподлет в вузе, нужно его уволить или оста- вить преподавать	Уволить	28	22	17	B — -,122; Std. Error — ,024, Beta — -,146; t — -5,041, Sig. — ,0000
	Оставить	52	55	59	
А теперь представьте, что книги, написанные противни- ками религии и церкви, есть в местной библиотеке. Нужно ли разрешить или запретить биб- лиотеке держать такие книги	Разрешить	44	50	46	B — -,151; Std. Error — ,026, Beta — -,166; t — 5,858, Sig. — ,0000
	Запретить	37	28	22	
Представьте себе, что кто-то открыто признает себя гомо- сексуалистом и требует узако- нить брак между гомосексу- алистами. Если он преподает в вузе, нужно ли его уволить или оставить преподавать	Уволить	56	57	52	B — -,107; Std. Error — ,027, Beta — -,112; t — -4,020, Sig. — ,0000
	Оставить препо- давать	22	25	28	

Книги, написанные таким человеком, должны быть изъяты из библиотек	Полностью согласен и скорее согласен				B — ,070; Std. Error — ,024, Beta — -,078; t — 2,883, Sig. — ,0004
	Не согласен и скорее не согласен				
От выборов и споров между партиями больше вреда, чем пользы	Согласен и скорее согласен	77	79	76	B — -,141; Std. Error — ,041, Beta — -,089; t — -3,397, Sig. — ,001
	Не согласен и скорее не согласен	15	13	16	
Западные церкви, проповедующие в России, подрывают истинную веру русского народа и наносят ему вред	Согласен и скорее согласен	72	61	53	B — -,229; Std. Error — ,054, Beta — -,128; t — -4,250, Sig. — ,000
	Не согласен и скорее не согласен	15	26	28	
Государство должно защищать православную веру русского народа от ее противников	Согласен и скорее согласен	80	84	73	B — -,282; Std. Error — ,045, Beta — -,181; t — -6,265, Sig. — ,000
	Не согласен и скорее не согласен	6	9	13	

В основном, это — специфическая группа вопросов, связанная с интересами РПЦ и стремлением к установлению «государственной монополии» РПЦ в религиозной сфере.

Как и в моральной сфере, в политической процессы идут в основном не зависимо от изменений в религиозной сфере и скорее изменения в политическом сознании влияют на религиозность, чем рост религиозности — на политическое сознание.

18. Перспективы российской религиозности

Мы рассмотрели довольно большой круг вопросов — факторы, влияющие на отношение российского общества к религии, само изменение этого отношения и рост религиозности и, наконец, влияние религиозности на не религиозные сферы жизни. В заключение попытаемся ввести эти данные в некоторый общий контекст.

На наш взгляд, в эволюции отношения к религии в постсоветской России мы можем вычлениить влияние трех очень разных процессов, которые происходят в современном российском обществе.

Во-первых, российское общество включено в общемировой процесс развития. Этот процесс, естественно, имеет и свой религиозный аспект. Авторы убеждены, что религия имманентна человеку и человеческому обществу, которое так же невозможно без религии, как оно невозможно без морали, или искусства, или экономики. Поэтому религи-

озным аспектом современного развития не может быть секуляризация, если понимать под этим термином отступление и исчезновение религии. Им может быть лишь принятие религий каких-то новых форм¹.

Основная тенденция современного религиозного развития, соответствующая другим тенденциям развития современного мира (глобализации, демократизации, дедогматизации сознания), — это то, что условно называется «приватизацией» религии. Ослабляется роль религии как внешней по отношению к индивиду силе, которая может заставить человека верить в определенные догматы и совершать определенные действия, контролируя его сознание и поведение или через государство, или через общину. В современном демократическом и мобильном обществе такой внешний контроль все менее возможен. Во что верить, как решать встающие перед ним мировоззренческие и моральные проблемы, все более становится личным, частным делом человека.

Отсюда — неизбежное усиление плюрализма в религиозной сфере, индивидуализация религиозных представлений, их все большая лабильность и их «эклехтизация», соединение в одном сознании элементов разных религиозных систем. Если никто не может в современном мире запретить, например, христианину читать «Бхагаватгиту» или сутры, никто не может и помешать элементам чужих для христианства религиозных идей проникать в сознание людей и вступать в сложные отношения с усвоенными ими традиционными для их культуры представлениями. Это можно назвать «энтропией», и в этом процессе, несомненно, есть и свои болезненные стороны. Но это и обогащение религиозного сознания и религиозного опыта. Одним из внешних выражений и аспектов этого процесса является некоторое ослабление в развитых европейских странах институциональной религиозности и, в частности, уменьшение регулярного посещения церквей, которое теряет свой принудительный, формально обязательный характер².

Включена ли Россия в этот процесс, идет ли он в современной России? Безусловно, идет. В свое время падение царизма и господства официальной церкви было вызвано действием этого процесса модернизации, хотя это и была модернизация в очень своеобразной и «уродливой» форме установления тоталитарной системы, основанной на

¹ Победу коммунистической идеологии ни в коей мере, на наш взгляд, нельзя рассматривать как «секуляризацию», ибо сама эта идеология представляла собой новую форму религии (или «псевдорелигии»).

² С 1981 по 2000 г. удельный вес тех, кто никогда или практически никогда не ходит в церковь, увеличился во Франции с 59 до 60 %, Британии — с 48 до 55 %, Нидерландах — с 41 до 48 %, Бельгии — с 35 до 46 %, Швеции — с 38 до 46 %, Испании — с 26 до 33 %, Ирландии — с 4 до 8 %. В целом по 14 развитым странам их удельный вес увеличился с 31 до 36 %. См. <http://www.usatoday.com/news/world/2005-08-10-europe-religion>

квазинаучной и квазирелигиозной идеологии. Эта система сдерживала развитие, но остановить его она не могла, модернизация шла и внутри советского общества. Падение коммунистической системы также было частью этого процесса, ибо освобождение от тотального господства марксизма-ленинизма — часть общего процесса освобождения от внешних, принудительных форм идейного (религиозного) контроля, который идет в современном мире. В некотором роде в 1991 г. произошло отделение от российского государства «марксистско-ленинской церкви». И при всех своих авторитарных тенденциях современное российское общество — на порядок свободнее, чем советское или царское, и весь приведенный нами материал говорит, на наш взгляд, об очень ограниченных возможностях нового установления идеологического единообразия и контроля в российском обществе.

Этот процесс идет, несомненно, и в узкорелигиозной сфере, сфере отношения к историческим формам религии, в России — к православию, хотя проследить его — крайне сложно. На наш взгляд, в той эклектичности современного российского сознания, о которой мы уже говорили, есть и аспект, связанный со специфически российскими факторами — распадом тоталитарной системы и возникающим в результате него идейным хаосом, и другой аспект, связанный уже с общемировыми тенденциями к индивидуализации религиозных представлений¹.

Во вторых, в России наряду с общемировыми тенденциями, действуют и специфически посткоммунистические процессы и тенденции.

Во всех посткоммунистических странах в той или иной мере идет рост традиционной и институциональной религиозности, вызванной особым фактором — освобождением от коммунистической атеистической идеологии. Разжимается сжатая пружина. К церкви устремляются, потому что исчез принудительный атеизм, потому что открылись новые возможности для действия религиозных организаций, потому что религия была естественной формой идеологического протеста и неконформизма в коммунистическое время, потому что все посткоммунистические общества в той или иной мере испытывают духовный вакуум и особенно остро нуждаются в символе «вечных ценностей». Если в не прошедших через коммунизм странах Европы роста институциональной религиозности нет, скорее идет ее постепенное падение, то во всех посткоммунистических странах он проис-

¹ Авторы в предыдущих работах пытались вычленить группу носителей наиболее свободного, «приватизированного» религиозного сознания», которую они условно именовали эклектиками. Здесь они должны признать, что у них это не получилось. Ясных критериев такого выделения у них нет. Возможно, носителей наиболее свободного и современного религиозного сознания следует искать в основном среди наиболее молодой и более образованной, чем опрошенные в целом, группы «колеблющихся». Но это, естественно, — лишь гипотеза, требующая разработки и проверки.

ходит. Рост институциональной религиозности в России связан прежде всего с этим общим посткоммунистическим фактором и является частью этого общего посткоммунистического процесса.

Поскольку этот фактор по сути своей — временный, вызванный им рост, скорее всего, должен достигнуть какого-то определенного для каждой страны уровня и остановиться, когда страна освободится от посткоммунистических синдромов, и коммунизм отойдет в далекое прошлое¹.

В-третьих, это — специфически российские формы этого процесса. Они определяются особенностями российской культуры. Для российского общества характерна слабая способность к самоорганизации и самоконтролю через институты гражданского общества и демократии, легкость, с которой свобода переходит в анархию и хаос. Эта слабость способности к самоорганизации и самоконтролю компенсируется стремлением воссоздать внешние формы объединения общества и внешний, государственный контроль над ним. Поэтому, как после революции 1917 г., так и после антикоммунистической революции 1991 г. России не удалось создать правовое общество, где в рамках конституции может идти соперничество за власть разных политических сил. Фактически с самого момента свержения власти КПСС Россия, в отличие от стран Центральной Европы, встала на путь воссоздания системы, основанной на независимости верховной власти от общества и ее «безальтернативности». И сейчас еще трудно сказать, достигла ли Россия высшей точки в этом движении, в смягченной форме повторяющее развитие после 1917 г.

В религиозной сфере эти же особенности российского общества и его посткоммунистического развития проявляются в тенденции к государственной церкви, к приданию православию характера официальной идеологии и ограничению возможностей деятельности других, прежде всего новых для России религий. Личная, индивидуальная религиозность в России — очень слаба, люди мало ходят в церковь, очень редко молятся, почти никто не обращается к священникам с какими то личными вопросами. Но эта слабость личной религиозности компенсируется очень мощным стремлением установить внешний, государственный и церковный формальный контроль над религиозной сферой. В смягченной форме как бы воссоздается старая царистская формула «православия, самодержавия и народности» и, с другими идеологическими

¹ Цифры, характеризующие институциональную религиозность разных демократических и не посткоммунистических стран, очень устойчивы, определенный уровень как бы является характеристикой культуры, и иерархия этих стран по институциональной религиозности — очень прочна и не меняется десятилетиями. И очевидно, для России, когда она освободится от посткоммунистического синдрома и станет одним из «нормальных» европейских обществ, также будет характерен относительно устойчивый уровень, который затем, очевидно, будет медленно понижаться. Какой это уровень — сейчас сказать невозможно.

символами, советская формула «морально-политического единства». Этот процесс, естественно, идет вразрез с общемировыми тенденциями, также как в свое время вразрез с общемировыми тенденциями шел процесс установления тоталитарного контроля над обществом марксистско-ленинской идеологии. И именно поэтому он, несомненно, временный.

Можно говорить о все увеличивающемся разрыве между усиливающейся идеологической ролью религии, нетерпимостью к новым религиям и к антирелигиозным идеологиям, с одной стороны, и очень низким уровнем религиозности и усиливающейся независимостью от церкви поведения людей в нерелигиозных сферах, с другой. Общество все более «заявляет» о себе как о религиозном, оно готово к установлению идеологического контроля со стороны церкви. Но при этом людей, которых действительно можно назвать религиозными, в нем — крохотное меньшинство, перспективы роста которого — очень сомнительны, а моральная эволюция общества идет совершенно не зависимо от церкви. На наш взгляд, возникает болезненная и чреватая конфликтами ситуация.

Общее развитие самых разных сфер в самых разных странах совершается через серию «маятникообразных», «синусоидальных» движений. В частности, в религиозной сфере европейские страны прошли через множество периодов отхода от исторических форм религии и их «возрождений» и «обновлений». Особенностью России была громадная амплитуда колебаний этого «маятника». От тотального контроля со стороны церкви Россия перешла не к смягчению этого контроля, к обществу с более свободными и разными формами религиозной жизни и религиозной мысли, а к почти полному отказу от исторической религии и к тотальному контролю атеистической квазирелигиозной идеологии марксизма. При втором ударе маятника марксистская идеология распалась с такой же легкостью, как при первом распалась идеология «православия, самодержавия и народности». Колебания маятника ослабевают, но он вновь начинает заходить слишком далеко — к воссозданию идеологического контроля со стороны церкви. Если этот процесс пойдет дальше, и разрыв между уже громадной идеологической ролью религии и слабой религиозностью будет еще более усиливаться, на наш взгляд, это сделает неизбежным в дальнейшем какую-то форму антирелигиозной реакции. Если «маятник» зайдет слишком далеко, неизбежно его обратное движение.

Движения «маятника», тем более, если амплитуда его колебаний столь велика, — болезненный процесс. Но через эти «синусоидальные» и болезненные для общества движения, идет процесс модернизации российского общества, его «подключения» к общемировому развитию. Россия — своеобразная страна, но своеобразие ее развития не означает, что Россия не развивается, или что ее развитие обусловлено какими-то принципиально иными законами, чем развитие остального человечества.